

Петр МУРАТОВ

СКАЗ ПРО РАЗВИТОЙ СОЦИАЛИЗМ

Воспоминания о незабываемом периоде
истории нашей страны

Светлой памяти дорогого Леонида Ильича посвящаю...

Самое интересное, что дается человеку — это жизнь. Единственная и неповторимая. Не бывает неинтересных жизней, нужно лишь уметь интересно про них рассказать. «Времена не выбирают, в них живут и умирают...» Поэтому описать свою жизнь — значит описать свое время.

Пишу как представитель поколения, чья юность и молодость пришлось на 70—80-е годы минувшего века. Этот «Сказ» — повествование о временах «развитого социализма» — кульминации существования уникальной страны под названием Советский Союз, эпохи грандиозной фантастической исторической абстракции — «строительства коммунизма под руководством КПСС». Неповторимые времена, отпечатавшиеся в моей памяти стойким ощущением целостности и противоречивости одновременно. Чувствую горячее желание не просто изложить факты, но и немного порассуждать.

Реалии той поры я попытался отразить на фоне колоритных декораций своей малой Родины — славных города Казани и Татарстана. Горбачевскую перестройку встречал уже в Сибири. Я не старался ни очернить, ни приукрасить — вот так все и было.

* * *

Казань, Казань... Казань 70—80-х. Разлитая в воздухе патриархальная провинциальность, приправленная легким восточным колоритом. Смешение архитектурных стилей и укладов жизни, контраст импозантности дворянских, купеческих кварталов города и захолустья трущоб слобод и околотков, зачастую близко соседствовавших друг с другом в самом центре города. Ширь волжского разлива и простор акватории казанского речного порта со снующими туда-сюда «ракетами», «омиками» и «мошками», пахнущими соляной. Отдающая сероводородом жаркими лет-

Муратов Петр Юрьевич родился в 1962 году в Казани, выпускник биофака Казанского университета. Кандидат биологических наук. Ныне предприниматель. Публиковался в литературных журналах «Аргмак. Татарстан» и «Сибирские огни» (Новосибирск). В июльском номере 2015 года «Невы» были опубликованы воспоминания о войне («Исповедь советского человека») Муратовой (Калиничевой) Людмилы Петровны в обработке П. Ю. Муратова. Живет в наукограде Кольцово Новосибирской области.

ними деньками водяная гладь озера Нижний Кабан и захламленный, поросший камышом узкий Булак — бывшая протока от озера к Волге.

Старушки татарочки в длинных белых платках, серьезные белобородые бабай в тубетейках с палочками, в мягких сафьяновых сапожках и русские бабули в традиционных цветастых платочках. Угрюмые гопники в голубых олимпийках, заправленных в широкие, на 2—3 размера больше, штаны, и мятые мужички в домашних трико, увлеченно «забывающие козла» в домино за столом под деревьями — обязательном атрибуте любого казанского двора. Городская публика той поры вспоминается мне немного деревенской: сходить до ближайшего магазина в домашних тапочках и даже в майке, почистить рыбу или разрубить мясо около подъезда дома было в порядке вещей. А около никогда не запираемых дверей подъездов красовались таблички с поквартирным списком жильцов.

Отовсюду льются колоритная, немного гортанная татарская речь и особая русская, со своеобразным, нигде больше мною не встречавшимся казанским акцентом. Однообразные и заунывные дворовые песни укрывшихся в затемненных местах группок молодняка под звуки гитары — уметь держать в руках шестиструнную деревяшку, зная всего три аккорда, было тогда очень почетно.

А культ хоккея и футбола! Пацаны каждого двора заливали зимой свою площадку со снежными, как правило, бортами, а уж деревянная коробка была особым шиком. Как самозабвенно болели за завсегдатаев вторых лиг — за футбольный «Рубин», ныне экс-чемпион России, и за хоккейный, как тогда говорили, «Скаурицкий», ныне «Ак Барс», и тоже экс-чемпион России. Вот только татар в тех командах, в отличие от нынешних, было по половине состава, поскольку это были по-настоящему городские команды, даже один мой одноклассник дорос до вратаря «Рубина».

Представляю, как естественно и органично несло бы над Казанью переплетение переливов колокольного звона и умиротворяющих напевов сур из Корана! Но, к сожалению, колокольни и минареты слились в едином благозвучии, создающем особую, неповторимую ауру родного города только в новые времена, уже после моего отъезда из Казани в Сибирь по распределению после окончания Казанского университета.

Жизнь была непроста. Жили очень скромно и, как правило, от зарплаты до зарплаты. Обстановка жилищ подавляющего числа советских людей была стандартна и довольно убога. Мне возразят: самое необходимое у людей в наличии было! Но вспоминаю, как мои друзья, брат и сестра, оставляли друг другу ключ от квартиры под ковриком перед входной дверью на лестничной клетке подъезда. Бросили, поправили ногой и побежали. Показательно? Квартирных краж совершалось существенно меньше, чем сейчас, хотя войти в любой подъезд можно было совершенно свободно. Конечно, воров-домушники «работали» во все времена, но они, видимо, знали, куда стоит лезть.

Кому сейчас придет в голову хвастаться тем, что поставил домашний телефон? Или купил цветной телевизор или холодильник? Купил да купил. Обыденность. Но тогда их приобретение по «весу» и значимости было сопоставимо, пожалуй, с покупкой автомобиля сегодня. Правда, наличие «Жигулей» — заветной мечты каждого советского человека — сейчас не в счет. Но тогда! Бытовало шутовское замечание: «Чего не здороваешься, машину, что ли, купил?» А популярное выражение «Автомобиль — не роскошь, а средство передвижения» воспринималось с улыбкой, философски. Знаете ли, кому как.

Моему отцу удалось удачно поработать в Ираке, «в загранке», как тогда выражались: он был классным специалистом по авиационному радиооборудованию. Тогда,

в 1977-м, там только что пришел к власти молодой амбициозный Саддам Хусейн, и страна была на подъеме (мои родители чуть не плакали, когда в 2006 году по телевизору показывали казнь бедного иракского лидера). Главным итогом заграничных мандировки стала новенькая «Волга» ГАЗ-24, купленная по льготной очереди для специалистов, поработавших за рубежом: иракцы оплачивали труд наших спецов в фунтах стерлингов.

И вот в самом конце 1978 года отец пригнал «волжаночку» из Москвы. У-у-у! Это было событие, точнее, Событие! Событие сродни нынешнему приобретению, наверное, только «бентли» или «майбаха». «Роскошь»! Опасаясь нездоровой реакции соседей, мы долгое время вообще не решались подъезжать на «Волге» к своему дому. Папа настолько ее любил и берег, что почти не пользовался. Когда через 27 лет он с болью в сердце продавал ту ставшую старенькой «Волгу», в ней еще пахло новым салоном, а спидометр указывал пробег в «целых» 30 тысяч километров (и то почти треть из них накатал я), то есть машина фактически только прошла обкатку.

М-да... Такого отношения к автомобилю сейчас уже не встретишь, каким бы дорогим он ни был — машина наконец-то превратилась в «средство передвижения». Ведь и «бентли», и «майбах» заменить при желании на другое авто сейчас не проблема. Но в те времена понятия «поменять автомобиль» не существовало. «Железный конь», впрочем, как и квартира (а в абсолютном большинстве случаев и жена!), одни и на всю жизнь.

Иметь на руках валюту не разрешалось, купить или продать ее кому-то за рубли запрещалось — на этот случай имелась статья в Уголовном кодексе. Валюту можно было лишь обменять в банке по официально установленному курсу (70 «инвалютных» копеек за один доллар) на чеки Внешпосылторга, которые отоваривались в рублевом эквиваленте в специальных магазинах «Березка» (не путать с валютными магазинами для иностранцев!). Там предлагался различный дефицитный товар, или, с легкой руки Аркадия Райкина, «дифссыт», недоступный за рубли. За них, родимых, их еще кликали «деревянными», «дифссыт» можно было взять только по блату, а «с рук» или «из-под полы» — в два-, а то и втридорога. Казань «Березок» не имела, в Москве же к ним бывало трудно подойти из-за толп грузинов, скупавших чеки по курсу один номинал за два рубля. На барахолке у тех же грузинов, фарцовщиков или цыган тоже можно было купить вожделенный «дифссыт», но с учетом их немалого гешефта. И то держи ухо востро, чтоб не обманули или не всучили неликвид.

В молодежной среде настоящей культовой вещью были фирменные джинсы. Отец купил мне в «Березке» двое джинсов фирм «Милтонс» и «Ранчер». Я страшно ими гордился. Но самой крутой, как тогда выражались, «джинсой» считались «Вранглер», хотя правильно произносить «рэнглер». Они (по сути, тряпка!) стоили на «барахолке» две средние зарплаты советского человека. Вспомнился популярный в те годы слоган: «Кто носит фирму „Адидас“, тому любая баба даст!»

«Дифссыту» неизменно сопутствовала очередь. Вспоминая ее, на ум приходят слова Александра Радищева: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй!», правда, адресовано это почти 200 лет назад было не очереди. Зато как точно! Что «лаяй»? Всегда и везде одно и то же: «Вы здесь не стояли!», «Куда без очереди полез!», «Ну и что ж, что ветеран!» или «Больше одного килограмма (одной пары, двух штук, трех рулонов и так далее) в одни руки не давать!» Воспетое официальной пропагандой «чувство локтя советских людей» не доставляло удовольствия, если ты ощущал чувство этого же самого локтя... в бок. Но вот, как сухой щелчок бича, звучал из уст беспощадного продавца «не подлежащий обжалованию» приговор оче-

ди: «Вон за той женщиной больше не занимать!» И как-то сразу «чудище» обмякало, сдувалось, стихало, чтоб через несколько секунд вновь мобилизоваться с утроенной энергией.

Торгашей одновременно ненавидели и заискивали перед ними, ценили знакомства в торговой среде и радовались, когда кого-то из них сажали. Причем злобно щелкали зубами представители всех дружественных классов бесклассового советского общества: «Сажать бы их через одного!» Работники советской торговли отвечали взаимностью: грубостью и хамством, обсчет и обвес в магазинах был в порядке вещей. Торгаши воспринимались какой-то отдельной привилегированной кастой, конкурсы в торговые институты зашкаливали. Да что там институты! Простая продавщица считала себя выше любого, кто стоял по ту сторону прилавка, который частенько казался мне бруствером фронтового окопа или баррикадой. Вспомнился шуточный куплетик на мотив итальянской песни «Феличита»: «Пересчитай! Нас обманули на десять копеек! Пересчитай! Пересчитай!» — «Ты мне не чета! Я учусь в Институте советской торговли! Ты мне не чета! Мне не чета! Мне не чета!»

Вся нелюбовь и презрение к торгашам воплотились в образе незабвенного персонажа Директора Рынка из рязановской кинокомедии «Гараж», вышедшей на экраны в 1979 году. Помню, моему сыну, уже в новые времена, было лет девять или десять, когда он подсел ко мне — я в очередной раз пересматривал эту комедию. И как-то незаметно для себя сынок попал под обаяние этого нестареющего фильма, тем более что некоторые актеры ему были знакомы по другим картинам. И вдруг он задал вопрос по-детски простой и достаточно сложный одновременно: «Папа, а почему директорше рынка нужно непременно построить гараж? Если она такая богатая, почему его попросту не купит?» Мне пришлось потрудиться, чтоб постараться доступно ответить, ведь купить гараж тогда было практически невозможно — сынок, слушая, недоуменно хлопал глазенками, пытаясь понять, как такое могло быть.

Блатной так же считалась работа приемщика бутылок, на эту «хлебную» должность было не попасть. Как ни придешь в пункт приема стеклотары, на двери одно и то же объявление: «Тары нет». Но она мгновенно находилась, если ты предложишь (причем сам!) принять бутылки дешевле, например, «чебурашку» (пол-литровая бутылка из-под пива или минералки) вместо 12 копеек — за 10. Иначе греми с бутылками обратно домой.

«Того-то нет» — как символ времени. «Мест нет» в ресторанах и барах, «мест нет» в гостиницах и санаториях. «Пива нет» в пивных ларьках. Такси не поймать, либо оно непременно «едет в парк». Нужна картошка? — Посади. Фрукты-ягоды? — Вырасти. Гараж? — Построй.

Где-то в середине 70-х годов Казань стала первым городом в Союзе, в котором ввели талоны на нормированный отпуск товара — пока только сливочного масла: «кило» на человека в месяц. Но, как вскоре показало время, лиха беда — начало.

Очень значимую роль в снабжении семей продуктами и «диффсытом» играли регулярные торговые вояжи в Москву. Во многих трудовых коллективах даже существовал неофициальный скользящий график: каждый работник по очереди на выходные мотался в столицу, собрав заказы и деньги сослуживцев, благо ехать одну ночь. И вот на перрон казанского вокзала высыпали толпы встречающих граждан, страждущих своих заказов: под бравурные звуки «Марша Сайдашева» прибывал долгожданный поезд-кормилец «Татарстан», сообщением Москва—Казань.

До сих пор перед глазами маячит незабываемый типаж: уставший, вымотавшийся человек с видом исполненного долга тащит в обеих руках огромные сетчатые авоськи с консервами одного вида, а крест-накрест через все туловище, словно

пулеметные ленты революционного петроградского матроса, две вязанки туалетной бумаги. Впрочем, подобный портрет был обычным почти для всех городов РСФСР. Помимо Москвы и Ленинграда, так называемую «первую категорию» снабжения (или «московскую») имели еще закрытые («режимные») и, чтоб привлечь переселенцев, молодые строящиеся города.

Почему-то во всех бывших союзных республиках, в которых мне удалось тогда побывать, изобилие продуктов и товаров было намного богаче. Но, как ни странно, жители братских республик так не считали, все время недовольно гундосили и не раз с пеной у рта доказывали мне, что именно они «кормят Россию» (последствия распада Советского Союза убедительно показали, кто кого кормил).

Но больше всего задевало, что продуктовый дефицит наблюдался именно в Татарстане, где сельское хозяйство всегда было неплохо развито. Народ шепотом объяснял этот феномен так: «Все идет в Москву». Поэтому бытовала еще одна популярная полушутливая фраза: «Из Казани в Москву товарными вагонами, обратно в Казань — пассажирскими».

Не меньшим дефицитом были хорошие книги — кстати, показатель культурного уровня населения. Богатая библиотека являлась предметом особой гордости ее хозяев. А на книги Булгакова, Пастернака, братьев Стругацких, Булычева, Высоцкого (малоформатный «Нерв») смотрели с восхищением, как на драгоценности. Но иногда гость владельца библиотеки, съедавший глазами корешки вожделенных книг, натывался на шуточный лозунг: «Не шарь по полкам жадным взглядом — здесь книги не даются на дом!» Вспомнились еще два широко распространенных афоризма тех годов: «Книга — источник знаний» и «Книга — лучший подарок».

Чудовищный дефицит книг малопечатаемых, но фантастически популярных авторов еще можно понять. Но вот вопиющую нехватку изданий классических русских и советских поэтов и писателей, тех, что изучали по школьной программе, чтение которых можно было только приветствовать, я понять никак не могу. Зато в книжных магазинах ровными плотными рядами от пола до потолка в любое время года — полные собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма, материалы «исторических» партсъездов, сборник статей дорогого Леонида Ильича Брежнева «Ленинским курсом» или его бессмертная трилогия «Малая Земля», «Возрождение». «Целина». Народ, помнится, иронично напевал на мотив все той же «Феличиты»: «Перечитай! „Целину“, „Возрождение“, „Малую Землю“ перечитай! Слева направо, справа налево перечитай! Перечитай! Перечитай!»

Особой популярностью пользовались полные собрания сочинений. Однако многие, подобно коврам на стену, жаждали достать их почти исключительно для убранства жилищ: ровные корешки одинаковых томов, чередующихся по цвету, украшали, как правило, большие залынные комнаты квартир. Но для более эффектной их демонстрации требовалась «стенка». Нетрудно догадаться, что и мебельные стенки тоже числились в дефиците. Впрочем, считалось крутым, когда стена комнаты была сплошь увешана одними заполненными книжными полками, но для этого книг требовалось не просто много, а очень много. Один мой знакомый, одержимый в то время книжным собирательством, как-то жаловался, мол, всю жизнь «рвал анус» с этими книгами, а что теперь? Корешки выцвели, бумага потемнела, шрифт поблек — стоят, только пыль на себя собирают. Думал-думал, вздыхал-вздыхал и однажды матюгнулся да и свез все добро в гараж — выбросить или сдать в утиль рука все ж таки не поднялась...

Но тогда... Помню, в книжном магазине на Сибирском тракте недалеко от пересечения с улицей Арбузова регулярно проводили розыгрыши полных собраний сочинений. Люди приходили с вечера занять место к утреннему открытию ма-

газина только для того, чтоб суметь получить заветный талончик, дающий право на участие в розыгрыше! Можно сегодня себе представить подобное? Простоять всю ночь, чтоб не купить, а всего лишь попытаться это сделать! Мы были в их числе — очередь страждущих книголюбов впечатляла! И поначалу нам фантастически везло: почти три раза подряд наши талончики оказывались среди выигрышных. Удалось купить полных Некрасова, Гамзатова и Мамина-Сибиряка. Но потом как отрезало.

* * *

Мое раннее детство прошло в историческом районе Казани Старо-Татарская слобода среди красивых старинных мечетей, из которых только одна, Марджанй, в то время была действующей. Жил на улице Ахтямова, рядом с озером Нижний Кабан. В трехкомнатной коммуналке на трех хозяев на первом этаже мы троим с родителями занимали маленькую девятиметровую комнатенку. Жилье выделили профком и дирекция завода «Радиоприбор», где папа с мамой работали инженерами. Бабушка называла наше более чем скромное жилище «кладовкой со всеми удобствами», что было вполне обычным явлением той поры. Но, как говорится, «дают — бери». Выбирать жилье в те годы не приходилось.

Через шесть лет мама, имея уже одиннадцатилетний стаж работы на «Радиоприборе», получила возможность расширить жилплощадь, но... всего лишь переехав в другую коммуналку в комнату вдвое большей площади того же дома на Ахтямова. Принятие такого предложения означало бы согласие ожидать очередного улучшения жилищных условий еще неизвестно сколько лет. Мои родители подумали-подумали, отказались от новой комнаты в коммуналке и решили строить кооперативную квартиру.

Квартиры тогда были трех категорий: служебные (проживаешь в ней, пока работаешь в конкретной организации), государственные — таковых было большинство. Эти квартиры давали бесплатно. Государственная квартира ценилась выше: при наличии прописки пользуешься ею бессрочно. Можно разменять ее на другую, но ни продать, ни подарить, ни завещать, ни заложить. Словом, полностью не распорядишься, а слово «приватизация» тогда было народу неизвестно. Получить бесплатно «хату» от государства, не тратя кровно заработанных, несомненно, представлялось намного более предпочтительным. Хорошо, если ты работал на большом мощном предприятии, желательного оборонного комплекса, которое активно строило свое жилье. Но вот работники школ, вневедомственных детских садов, больниц, поликлиник или просто небогатых организаций получали его по горисполкомовским очередям, нередко ожидая своего «отдельного благоустроенного» счастья по 10—15, а то и 20 лет. Прописка по адресу квартиры носила разрешительный характер, в отличие от уведомительной регистрации в наше время.

Кооперативное жилье (его было относительно немного) доставалось гораздо быстрее государственного, поскольку будущие жильцы участвовали в его возведении непосредственно. Так и говорили: государственные квартиры «получали», а кооперативные «строили». Но даже желая вложить собственные средства, попасть в жилищный кооператив было не так-то просто — туда тоже была немаленькая очередь. Однако профком завода «Радиоприбор», получив отказ от переселения в коммунальную комнату, пусть и существенно большей площади, пособил родителям со вступлением в кооператив. И вот почти полтора года наша семья, отказывая себе во многом, жила на одну зарплату: вторая шла на оплату первого взноса — почти

1800 рублей, что составляло сорок процентов стоимости квартиры. То были большие деньги: месячные зарплаты инженеров немногим превышали 100 рублей. Кое-какую сумму пришлось занять. Остальную часть стоимости жилья выплачивали по-немногу еще в течение пятнадцати лет.

Наша кооперативная «двушка» строилась на территории нового микрорайона под названием Танкодром — он действительно в прошлом таковым и являлся: внизу под горой, на Оренбургском тракте стояло Казанское танковое училище. Танкодром довольно долго сполна оправдывал свое оригинальное название: проехать по нему можно было разве что на танке. Обустройство микрорайона запаздывало, социальной инфраструктуры почти никакой, кругом торчали унылые серые пятиэтажные «хрущевки», грязь, регулярно прорывавшиеся на улице канализация или водопровод. Чего стоил один только спуск к остановке троллейбуса по глиняному, скользкому после дождя кособогу.

Дворы, в их привычном виде, исчезли с началом массовой типовой панельной застройки. Обширные пространства между домами люди по привычке продолжали называть дворами. Причем само понятие «двор» стало обретать нарицательный смысл: выражения «уличный», «дворовый» воспринимались синонимами чего-то нехорошего. И я часто грустил, вспоминая уютные дворики Старо-Татарской слободы.

В те времена граница Казани в направлении Оренбургского тракта проходила по высокой насыпи железной дороги, что вела на восток. Дальше вдоль тракта стояли деревни: Аметьево, Старые Горки, Ферма, Борисково. Танкодром, шагнув за железку, раздвинул границы города, поэтому новый микрорайон воспринимался далекой «тьмутараканью», высылками. Это сейчас, учитывая размеры нынешней Казани, он считается расположенным недалеко от центра.

И вот наконец-то наш кооперативный двухкомнатный «рай» обрел явь и плоть! Но квартира принадлежала не нам, а кооперативу, содержание дома осуществлялось за счет его жителей. Все решалось на общем собрании под бдительным приглядом избранного председателя. Помнится, одной семье было отказано в удачном обмене на квартиру в другом районе, поскольку кто-то из членов кооператива нуждался в расширении. Дескать, обменяйтесь сперва с ними и уже их жильем распорядитесь, как хотите. Понятное дело, желанный обмен сорвался.

Но все равно наша новая «двушка» в сравнении с «кладовкой» воспринималась хоромами. И не беда, что одна комната проходная, а кухонка всего четыре квадрата, главное — «отдельная благоустроенная». Совмещенный санузел? Ерунда! Как говорилось в анекдоте, Никита Сергеевич Хрущев хоть и успел соединить ванны с туалетами, но не успел соединить полы с потолками.

* * *

Большинство учеников моего класса были знакомы между собой с самого раннего детства: их переселили из каких-то бараков с Суконной слободы. Многие байки о прошлом так и начинались: «Когда мы жили в старых бараках...» Проживали они тоже компактно — в нескольких домах по улице Комарова. Позднее группировка гопников со всего Танкодрома стала именоваться «Комаровские».

Хулиганье обитало повсюду, их дух, своеобразная субкультура «нормального пацана», казалось, были разлиты в воздухе той, прежней Казани. И даже многие мальчишки из благополучных семей, хорошо успевавшие, занимавшиеся в музыкальных или художественных школах, тем не менее старались походить на них из же-

лания выглядеть круче. Я тоже, не стану скрывать, вполне правдоподобно косил под гопника. Общепринятыми были наглое выражение лица и даже походка: ходить полагалось не спеша, вразвалочку, чуть скосив стопы внутрь, руки непременно в карманах. Желательно что-нибудь жевать или курить, время от времени сплевывая на землю. Хриловатый смех звучал толчками и напоминал кашель. Слова произносили немного в нос, растягивая и гнусаая.

Решающее значение для веса в коллективе имело наличие старших братьев или просто «наставников». Так и говорили: «Он ходит с таким-то». Имярек «такой-то», разумеется, должен был принадлежать к числу «блатных», как они себя называли. У меня, к сожалению, ни старших братьев, ни корешей из блатных не было. Но и собственные кондиции тоже имели значение, продвинуться вверх по пацанячьей иерархической лестнице можно было только одним путем — через «махач» (драку). Поэтому умение грамотно «вклеить промеж ушей» и «побазарить», правильно исполнив не только по содержанию, но и по форме, было весьма ценным. Некоторые пацаны свой «базар», или, как еще произносили, «бáсар», тренировали специально. До сих пор в ушах стоит хрипяще-сипящее, типа зловещее, шипение детским, еще не сломавшимся голосом: «Ну, ты, че-о-о, деш-ш-шевка, блин, в натуре, а?! Ты, чушпан, на кого хвост пружинишь? Сма-а-ррри у меня, марёха, ща бампер сверну! Пойал?!» Комментарий для непосвященных: «чушпан» — кастрированный поросенок, «марёха» — тот, кого морят, унижают, гнобят.

Вражда молодежных группировок, массовые драки здорово отравляли духовную атмосферу города. Определение «казанский феномен» появилось позже, при Горбачеве. Почему-то эта тема в пору «перестройки и гласности» очень полюбилась журналистам и телевизионщикам, постоянно представлявшим родной город в нелицеприятном свете, как будто ничего позитивного здесь вообще не происходило. Хотя молодежные группировки тогда безобразничали и в Горьком, и Свердловске, и в других крупных индустриальных городах, но с чьей «легкой руки» ославили именно Казань, не ведаю. Стремление выглядеть приблатненным, культивировать в себе бойцовские качества, бесстрашие и агрессивность, качать мышцы и уметь драться были присущи молодняку многих городов и поселков страны. Во все времена на Руси сойтись врукопашную «стенка на стенку» считалось национальной забавой. Но войны группировок казанских гопников назвать «забавой» язык не поворачивается.

Все как на войне: объявление войны какой-нибудь, как правило, соседской группировке, заключение союзов, перемирий. На стенах домов, заборах, в общественном транспорте часто красовались надписи: «Такие-то» — козлы, «такие-то» — короли (вместо слова «короли» обычно изображалась корона), из которых можно было понять, кто с кем враждует. В итоге: «Че-че-че?! За базар отвечаете? Айда шаблá (толпа) на шаблу, что ли?» И понеслась!.. Словом, с наступлением темноты на улицу лучше было не выходить. Патрулирование пацанами своих владений называлось «моталками». Некоторые мои одноклассники регулярно участвовали в «моталках» и в междоусобицах гопников, это существенно повышало авторитет. «Комаровские» на моей памяти враждовали с «павлюхинскими», «аметьевскими», «Высотной», ЖБИ, «Борисково», со «Вторыми горками». Но самой крутой в городе тогда считалась группировка «тяп-ляповских» — с жилого микрорайона вокруг завода «Теплоконтроль». Слава о ней гремела далеко за пределами Казани.

Группировки были подчеркнута интернациональны. «Честь улицы» — превыше всего. «Где живешь?» — первый вопрос чужаку повсюду звучал одинаково. Если ты был с «вражеской» территории, правдивый ответ на него мог привести к непредсказуемым последствиям. Но и врать тоже было опасно: могли подловить на втором

вопросе: «Кого знаешь?» (авторитеты из разных группировок были известны за пределами своих улиц). И если ответа не следовало или он оказывался неверным — значит, врешь! А раз врешь — значит скрываешь, откуда на самом деле, и, скорее всего, «враг».

Не существовало у гопников и экстремистской направленности — подавляющее их большинство были «пролетарского происхождения». Здоровые понятия о самом главном тогда были у всех. Никому и в голову не приходило ставить под сомнение значимость и величие нашей Победы. С детства, играя в «войнушку», мы старательно изображали «русских» и «немцев», а не гоблинов или десептиконов, как сейчас, причем никто не хотел быть «немцем».

Помню, в марте—апреле 1979 года, к 90-летию со дня рождения Гитлера, по Казани поползли упорные слухи, что невесть откуда взявшиеся «бритоголовые» собираются шумно и широко отметить юбилей фюрера. Никто их в глаза не видел, однако слухи множились и множились: кто-то говорил, что, мол, откуда-то приедут, кто-то — что они настолько глубоко законспирированы, но обязательно вылезут, «вот увидите!» Власти города, видимо, отнеслись к подобным слухам всерьез, поэтому вечером 20 апреля на опустевших улицах города дежурили усиленные наряды милиции. «Патрулировали» город с целью обнаружения и наказания бритоголовых, и группировки гопников, каждая на своей территории. Впервые милиция их не трогала, а на вопросы «Чего тут шляется?» пацаны объясняли: «Да не, начальник, отвечаем, все нормально будет: мы, в натуре, бритоголовых ищем!» И действительно, махачей «шабля на шаблу» в тот день не случилось, между группировками было заключено всеобщее перемирие, правда, никаких бритоголовых ни милиции, ни гопникам обнаружить не удалось.

Большинство гопников вспоминаются вполне вменяемыми пацанами. Многие из них впоследствии как бы переросли, перебороли этот возрастной недуг, да и служба в армии в этом «исцелении» служила хорошим лекарством. Абсолютное большинство вчерашних гопников, повзрослев и посерьезнев, шли работать, заводили семьи, некоторые даже получали высшее образование. Хотя и немалое их количество ломали себе судьбы: вставали на «кривую дорожку», попадали в тюрьмы или спивались.

До сих пор не могу понять, что за бес вселялся в души обыкновенных пацанов?! Отчасти понятно: подростковый максимализм, «понты», бравада, общественный вызов, желание привлечь к себе внимание. Плюс своего рода протест против общепринятых норм поведения и правил жизни, ощущение силы, околориминальная псевдоромантика, строптивость и агрессивность как способ защиты. Почему-то тогда среди многих наших пацанов считалось: вежливость, учтивость, доброжелательность — свидетельства мягкотелости, слабости. А слабых бьют! Вот и старались всю, выпендривались друг перед другом и всеми вокруг, как могли. И потихоньку, незаметно, исподволь подобная гипертрофированная норма общения формировала некую постоянную жесткую поведенческую установку, выйти из которой у многих уже не получалось. Засасывало. Зачастую ссору можно было легко загасить, но не-е-ет! Как же! Кодекс чести «нормального пацана» не позволял.

Безусловно, группировки гопоты той поры принципиально отличались от «братковских» ОПГ 90-х годов. Мне довелось как-то увидеть по каналу НТВ в телепроекте «Криминальная Россия» сюжеты про казанские ОПГ «Жилка» и «Хади Такташ» — разница колоссальная. Главной причиной отличия, на мой взгляд, является отсутствие, скажем так, экономической составляющей, несопоставимо меньшее влияние на молодежную среду криминального бизнеса «образца» 70-х годов, размах которого просто смешно сравнивать с лихими 90-ми.

* * *

Умение играть в футбол и хоккей, разбираться в них было тогда обязательным для любого уважающего себя казанского пацана. Иногда можно было занять авторитет среди пацанов, просто хорошо играя. Летом любая ровная полянка превращалась в футбольное поле, воротами становились камушки или школьные портфели. А зимой мы, пацаны, расчищали снег, используя его для строительства бортов, и заливали уже собственную хоккейную площадку. Штангами ворот служили сложенные стопками кирпичи, натасканные отовсюду. Для прочности конструкции «штанги» обливали водой, но ворота оставались без перекладины, а площадка — без задних игровых зон. Со временем ЖЭКи стали ставить в некоторых дворах деревянные хоккейные коробки.

Ежегодно в нашей школе проводились чемпионаты по параллелям классов, спасибо физруку Леонарду Георгиевичу Качаличу. Зимой — по хоккею, весной — по футболу. Невозможно описать тот азарт и страсть, с которыми бились пацаны за спортивную честь класса! И хотя я неплохо обращался и с мячом, и с шайбой, на чемпионатах школы всегда стремился во вратари. В хоккейной маске играть не любил: дышалось с трудом, видимость плохая. Удобных масок, как и вратарских клюшек, тогда не продавали — так, пластмассовая штамповка на резинках. Поэтому регулярно получал увесистым мерзлым куском резины в морду. Даже как-то раз зуб шайбой выбили. Не беда: прибежал домой, выплюнул зуб, отполоскал кровь и... пошел доигрывать матч.

Осенью 1972 года состоялась историческая, незабываемая хоккейная суперсерия матчей СССР—Канада. Описывать колоссальный интерес к этому захватывающему спортивному зрелищу после показа фильма «Легенда номер 17» излишне. Правда, прямых репортажей из Канады тогда не велось: власти трогательно заботились о здоровом сне трудящихся, и сидеть в ресторанах или смотреть телевизор после 23.00 не полагалось. Счет уже сыгранного накануне матча узнать было неоткуда, поэтому репортаж в записи на следующий день фактически превращался в прямой.

Мы бредили этими играми. Конечно, прекрасно знали и любили наших хоккеистов, их постоянно показывали по телевизору, их имена были на слуху. Но вот канадцы... Задиристые, волосатые, без касок, с выбитыми передними зубами, постоянно что-то жующие — они идеально походили на гопников. Неудобно вспоминать, но, видимо, поэтому именно канадские, а не советские хоккеисты стали тогда нашими кумирами. К тому же суперсерия, пусть даже с минимальным перевесом, все-таки выиграли «Кленовые листья»... За право носить имя кого-нибудь из канадских профессионалов шли упорные споры, я, помнится, именовался «Питером Маховlichem».

К сожалению, из-за тех же канадцев стало входить в моду драться прямо на площадке во время игры (до этого невыясненные спорные моменты оставляли для разборок после матча). Тогда же я впервые услышал выражение «жевательная резинка». Крайне редкие случаи появления у кого-то из пацанов этой вожаемой резинки становились настоящим событием — на обжевки от нее выстраивалась целая очередь, поэтому даже самый маленький кусочек «жвачки» ценился на вес золота. Кому жвачки не доставалось, все равно во время игры в хоккей совершали энергичные жевательные движения.

Но были ли такие паца... пардон, мальчишки, которые не могли принять и усвоить все те правила? Которые не махались, не умели грамотно базарить, не интересовались футболом-хоккеем, не ставили три аккорда на гитаре? Конечно, были. Их участь в нашей школе оказалась незавидной. Дети жестоки и часто безрассудны, особенно, как я заметил, где-то в средних классах, в раннем подростковом периоде.

Потом, в старших классах, мозги постепенно начинали заполняться разумом, отношения между учениками становились более уважительными. К тому же количество девятых классов, в сравнении с восьмыми, уменьшалось: наиболее одиозным ученикам давали понять, что в девятый их не возьмут, предлагая загодя подыскать какое-нибудь ГПТУ.

А что же пионерия, комсомол? В нашей школе они существовали сами по себе, для профформы, практически не влияя на повседневную жизнь. Хотя меня, пионером, назначили сперва звеньевым в классе, а потом, в бытность комсомольцем, избрали в комитет комсомола школы сектором печати.

Помню, как восторженно, с пафосом звенел голосок ведущей радиопрограммы «Пионерская зорька», еженедельно выходившей в эфир по воскресеньям: «Вся советская пионерия с большим воодушевлением поднялась на торжественную патриотическую вахту „Идем дорогой Ленина, дорогой Октября“! Во всех пионерских организациях нашей необъятной Родины юные ленинцы в едином порыве...» И т. д. и т. п. Не знаю, какие указания поступали на этот счет из роно, но в школе регулярно проводились «классные часы», на которых среди учеников принудительно распределяли направления работы этой самой «торжественной вахты»: «пионерстрой», «юные тимуровцы», «красные следопыты» и так далее. Словом, бал правили привычные для тех времен формализм и обязаловка, к которым приучали с младых ногтей.

Ежегодными обязательными были смотры строя и песни, а также фестивали народов СССР. Каждому классу поручали одну из братских союзных республик нерушимого Советского Союза, за исключением РСФСР. Нужно было собрать материал про нее, рассказать про какого-нибудь видного исторического деятеля этой республики, прочитать стихотворения национальных поэтов, что-то в тему спеть и сплясать. Фестивали проходили по параллелям классов и были состязательными: школьная комиссия давала баллы за каждое выступление. Помнится, я читал стихотворение какого-то узбекского советского классика про мелиорацию, будучи наряженным в подобие их национального халата, перешитого из маминого домашнего — узор на нем был похож на узбекский. Голову украшала кустарно сшитая нахлобучка, напоминавшая среднеазиатскую тюбетейку, поскольку татарская не подошла бы в силу заметной несхожести фасонов.

Как-то на песенный конкурс нашему классу дали известную песню «Орленок», предписывалось не просто спеть, а немного обыграть сюжет песен. Актив класса под бдительным присмотром классной руководительницы Зины Ивановны остался после уроков мирковать над инсценировкой. Было придумано следующее. Роль Орленка отвели статному, высокому ученику нашего класса — Саше Куликову. Орленку нашли какую-то тельняшку, на голову повязали бинт, изобразив на нем фломастерами кровь. Куликов стоял в центре, а справа и слева от него по два ученика, которые при исполнении фразы «навекі умолкли веселые хлопцы» должны были выразительно упасть на пол. В число несчастных «веселых хлопцев» отрядили и меня. На наших головах тоже красовались разрисованные красным бинты, а для пущей достоверности каждый «хлопец» держал себя кто за руку, кто за бок, изображая боевые ранения. За «орлятами» полукругом стояла подпевка из девчонок.

Сперва Зина Ивановна предложила нарядить Куликова-Орленка в военную форму (ее муж был военнотружашим), но форма оказалась полевой, темной с портупей и здорово смахивала на белогвардейскую. Поэтому от первоначального замысла отказались, а облачили в нее Рината Гарипова, предусмотрительно сняв с фуражки кокарду со звездой. При словах «лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел» он должен был выйти с игрушечным пистолетом и увести Куликова со сцены.

Честно говоря, меня сразу стали «терзать смутные подозрения» относительно неминуемого провала всего задуманного сценария. Но, как ни странно, Зина Ивановна одобрила эту туфту, да и времени, чтоб придумать что-то другое, уже не оставалось. Однако впечатляющее фиаско превзошло все наши нехорошие предчувствия.

Конкурс стартовал. Мы вышли на сцену с героическими лицами и все вместе запели: «Орленок-орленок, взлети выше солнца, собою затми белый свет!» — пока все нормально. «Навеки умо-о-лки весе-е-лые хлопцы...» — мы, кто вскинув руки, кто схватившись за грудь, картинно грохнулись на пол сцены школьного актового зала. К сожалению, я упал неудачно и ударил локоть, поэтому, «навечно умолкая», чуть слышно матюгнулся. Услышав мою ругань, Орленок Куликов почему-то смутился и следующую фразу «В живых я остался один!», которую он должен был громко произнести, не исполнил. За него ее спели своими тоненькими голосками одноклассницы из «массовки».

Лежа на полу, я реально осознал весь идиотизм происходившего на сцене, поэтому меня стал разбирать смех. Другой одноклассник, Валера Денисов, лежал напротив и улыбался, «кровавая» повязка с его головы слетела во время падения, под ней, разумеется, было чисто. Наконец широко улыбающийся Гарипов в «белогвардейской» форме увел со сцены Куликова «на расстрел». Оказавшись за кулисами, оба — и «палач», и его «жертва» — негромко заржали. В зале, наверное, слышно не было, но я-то услышал! Моему терпению пришел конец: незаметно прикрыв ударенным локтем лицо, я бесшумно затрясся всем телом от невыносимого приступа дикого хохота.

М-да... Мы заняли последнее место. После провального выступления — «разбор полета» в классе. Зина Ивановна неистовствовала. Досталось всем: и «белогвардейцу» Гарипову, и Куликову, крайне неубедительно воссоздававшему героический образ юного коммунара, и, непонятно за что, хоровому кордебалету.

Но больше всех вдули нам, «веселым хлопцам»:

— Упали, как дурачки! Денисов лыбится! Муратов ржет! Как можно ополщить такую хорошую песню?! — грохотала Зина Ивановна.

— Я не ржал! — пытаюсь защититься.

— Не ржал, говоришь?! Да я своими глазами видела, как ты лежал и трясся от смеха!

— То был не смех! — я твердо стоял на своем.

— А что тогда?!

— Предсмертные судороги!

Занавес.

В 1977 году нашу школу возглавил Лев Аркадьевич Могильнер, по непроверенным слухам, полковник КГБ в отставке. Прямой, жесткий, но справедливый и честный человек, он совершенно не боялся гопников, был с ними подчеркнуто твердым и непреклонным. И гопники, чувствуя его силу и характер, частенько давали слабину, отступали. При прежней директрисе они имели привычку постоянно приходить в вестибюль или на крыльцо школы, кого-то заирать, унижать (штатных школьных лицензированных охранников с тревожными кнопками и рациями, как сейчас, тогда не существовало). Одного школяра, помню, застрашали настолько, что он, боясь выйти из школы, прыгнул из окна второго этажа с противоположной от крыльца стороны и сломал ногу. Лев Аркадьевич быстро их отвадил, а однажды при нас банально навтыкал одному «авторитету» по кличке Усы.

Директор резко активизировал сотрудничество и с инспекторами по делам несовершеннолетних, и с участковыми, с которыми проводились классные и общешкольные родительские собрания. На одном из общешкольных собраний Лев Аркадьевич демонстрировал небольшую экспозицию ударно-колюще-режущего арсенала, изъятого у учеников в стенах школы.

Одно время мы забавлялись тем, что, зарядив в розетке небольшой конденсатор, разряжали его в кого-нибудь из школяров, как правило, младше или слабее себя. Особенно «сладостным» было наблюдение за процессом медленного подноса конденсатора к открытой части тела отчаянно верещащей жертвы, которую крепко держали. Ну, а мастерски метнуть кому-то под ноги портфель так, чтоб цель, как подкошенная, рухнула на пол, или перед самым уроком намазать соплями дверную ручку класса, чтоб учитель впопыхах ее схватил — это так, шутки, за плохие поступки не считалось.

В то же время добрые сердца ребятишек ведь никуда не девались: каждое утро к крыльцу школы собирались все дворняги округи. Псы, виляя хвостами, ожидали завтраки и угощения, которыми заботливые мамы снабжали в школу своих чад. Но в какие-то моменты детские сердца вдруг будто бы в свинцовую фольгу заворачивались.

Лев Аркадьевич вместе с учителем физики обеспечил все помещения классов телевизорами. При нем в школе возникло множество спортивных и прикладных кружков. Но самым знаковым и необычным деянием директора была организация в нашей школе музея латышских стрелков.

Наша школа стояла на улице Латышских Стрелков. В 1978 году в Казани широко отмечался шестидесятилетний юбилей освобождения города революционной Латышской Красной дивизией от колчаковцев. Лев Аркадьевич решил провести праздник одноименной улицы и школы, на которой она стояла. Из Риги даже приехали трое настоящих латышских «стрелков», стареньких ветеранов той дивизии — они сидели на почетных местах в первом ряду школьного актового зала во время торжественного собрания и концерта в честь знаменательной даты. Перед школой состоялся праздничный митинг и шествие по улице, названной их именем.

Венцом торжеств стало открытие ветеранами-«стрелками» школьного музея Латышской Красной дивизии. При чем Лев Аркадьевич поручил основную работу по его организации самому проблемному, на тот момент, девятому «Б» классу. Надо отметить, ученики того класса проявили большую заинтересованность, делегации от класса не раз ездили в Ригу в Музей латышских стрелков. Там с нашими школярами делились информацией, историческими документами, некоторыми экспонатами, опытом в проведении экскурсий по музею. Так в нашей школе появилась своя собственная изюминка. Одна ученица девятого «Б» даже проводила экскурсии на английском языке (несколько раз школу посещали иностранные делегации).

Первый визит в Ригу наших «музейщиков» запомнился еще одним событием, но другого толка. По рассказам пацанов, около вокзала до них докопалось местное хулиганье. Те понятия не имели, что связываться с казанскими — себе дороже. Пришлось нашим доступно «растолковывать» это непосвященным аборигенам простым «контактным способом»: казанская делегация не ударила лицом в грязь, подтвердив свое высокое реноме. Вернувшиеся с гордостью докладывали о боевом успехе, и это было самым ярким впечатлением от первого визита в столицу Советской Латвии.

* * *

Всеобщим «хобби» советских людей было садоводство. Почему в кавычках? Потому что в большинстве случаев это увлечение было вынужденным. Где-то ближе к 70-м годам руководство страны, поняв, что полноценно обеспечить советский народ фруктами-ягодами-овощами в рамках существовавшей тогда системы не в состоянии, приняло логичное и давно напрашивавшееся решение: позволить людям ими самих себя обеспечивать. «Спасибо партии за это и лично Леониду Ильичу!»

Повсеместно стали выделяться земельные участки для организации садовых обществ, строго по предприятиям. Заводу «Радиоприбор» досталась обширная территория заброшенного яблоневого сада за деревней Нижний Услон, что напротив Казани через Волгу. Но земли давали крохи — по три сотки на семью! Причем не могли поставить на участке баню или гараж, только небольшой летний домик да сараюшки: земля тебе, дорогой товарищ, «высочайше пожалована» исключительно для растениеводства! Впрочем, на дачу в Нижний Услон на машине, если она имелась, почти никто и не ездил: моста через Волгу еще не существовало, а добираться в объезд через переправу в Свияжске представлялось крайне неразумным. К тому же после дождя по раскисшим проселкам не то что проехать, пройти бывало трудно.

В 1973 году у нас появилось собственное трехсоточное «счастье», а на участке росло аж девять одичавших яблонь! Правда, оставили мы только четыре, самые плодоносящие, остальные пришлось вырубить: сильно затеняли землю. Но «помилованные» окультуренные яблоньки не смогли пережить жесточайшую зиму 1978—1979 года (температура опускалась до минус пятидесяти!), и их пришлось спилить. К счастью, растения не погибли и по весне выбросили от корня сильные ростки, заплодоносив вновь через два года. Сорт яблок определить никто не мог (даже спецы), поэтому он именовался «нижнеуслонским» — ох, и вкусные были яблочки!

Иногда, если не поджимало время, мы высаживались чуть раньше на пристани Студенец и шли до дачки по прибрежному кособокому километру пять пешком. «О, Волга, колыбель моя...» Летом, когда все вокруг цвело и благоухало, стрекотало и порхало, освежал речной ветерок, прогулка по высокому берегу Волги-матушки доставляла особое удовольствие. Под тобой — отражающий бездонное чистое небо простор волжского разлива со снующими вверх-вниз по реке баржами и круизными лайнерами, «омиками» и «ракетами». Напротив через Волгу, на пологом берегу, изумрудным ковром расстился сосновый бор.

Да, такой незабываемый пейзаж здорово подслащал далеко не всегда позитивную действительность. Ибо до дачи требовалось сперва добраться. Чуть свет в субботу — подъем! С сумками и рюкзаком с пересадкой на двух троллейбусах до Речного вокзала. Рысью к портовым кассам: там с раннего утра толпились огромные очереди. Взяв билеты, бежишь на «омик», а суровый речпортовый «матюгальник» подгонял: «Ом-420 до Матюшина отправляется с третьего причала!» Уф! Ты на кораблике, хоть дух можно немножко перевести. До Нижнего Услона через Волгу — сорок-сорок пять минут хода. От деревенской пристани еще минут сорок ходьбы — и ты на любимой дачке! Вся дорога занимала «каких-то» три-три с половиной часа!

Конечно, после одной только дорожной «одиссеи» хотелось отдохнуть. Но не-е-ет! Некогда! Лопату, тяпochку, секатор в руки или туесок на шею — и вперед! Висевший на ветке яблони транзисторный приемник только и успевал позывными радиостанции «Маяк» («Не слышны в саду даже шорохи...») отсчитывать каждые незаметно пролетевшие полчаса.

Но все вышеописанное меркло по сравнению с дорогой домой с урожаем! Сперва марш-бросок с полной выкладкой до пристани. Осенью, когда дачников с ведрами собиралось особенно много, иногда подгоняли к дебаркадеру пристани баржу. Помещались все, но тащиться через Волгу приходилось уже часа полтора-два. Потом в переполненном троллейбусе, приняв позу буквы «зю», в одной руке — ведро с малиной, в другой — со смородиной, а чуть ли не в зубах — туесок с крыжовником. Доползя до дома и закрыв за собой дверь, я ощущал то же, что и финиширующий марафонец. Зато слаще и вкусней той ягоды не было ничего на свете! А зимой, с чувством исполненного долга, чай с вареньем — красота!

Земельный надел нашей дачки площадью в «целых» три сотки принадлежал не нам, хозяевам, а садоводческому кооперативу. Участок, впрочем, можно было продать, формально цена включала в себя только стоимость дачного домика, хозпостроек и произрастающих на нем культур, но ясно, что чем больше площадь участка — тем выше цена.

Да, товарищи дорогие, три соточки — это мало. Оскорбительно мало! Домики, плотно натканные по участкам, затеняли значительную часть площади земли. Слышимость, в силу критичной близости соседей, была потрясающей, в том числе когда кто-то рядом посещал нужник. Одна радость: сосед дядя Ильдар, сослуживец моих родителей, имея неплохой голос, при работе все время душевно исполнял народные песни. Из-за подобной скученности говорить о дачном отдыхе в полном смысле слова не приходилось. Впрочем, нечего расслабляться: тебе землю дали, чтоб пахать на ней, а не качаться в гамаке, задрав ноги. Воду, электричество подвели? Подвели. Течет река Волга? Светит солнышко на небе ясное? Вот и радуйся.

Долгое время руководство садоводческого товарищества «Радиоприбора» добивалось выделения дополнительных земель: сразу за садовым забором, в сторону деревни Воробьевка, лежали обширные пространства заброшенных, давно не обрабатываемых сельхозугодий. Что мешало дать возможность людям вновь окультурить землю, кто этому сопротивлялся, я не знаю. Буквально за полтора года до кончины «нерушимого» Союза всех желающих все-таки облагодетельствовали: землицы добавили. Поэтому у нас появилось еще пять соток в чистом поле, метрах в четырехстах от нашего участка. Ставить еще один домик — зачем? Да и с подведением воды спросилось только лет через семь — мы там сажали неприхотливые культуры: картофель, тыквы, кабачки, патиссоны. И каждый раз, катя туда на тележке полный 36-литровый бидон для полива, мой «разум возмущенный» сверлила упрямая мыслишка: ну, почему сразу нельзя было дать людям по восемь соток?!

Вспомнилось еще, как в отсутствие моего отца (он был в загранке) в течение двух дачных сезонов нам помогал управляться на даче Султан-абый — тесть соседа по участку, певца-любителя дяди Ильдара. Султан-абый — бодрый, деятельный, сухонький, такой классический татарский бабай — слыл опытным садоводом. В знак благодарности мои родители приобрели для него в Багдаде Коран в прекрасном издании. Мама вернулась оттуда раньше папы, она рассказывала, чего ей стоило провезти Священное Писание мусульман. С иракскими таможенниками при проверке багажа, ясное дело, никаких проблем не возникло: завидев Коран, они улыбались, показывали большой палец, одобрительно кивали головами. Но вот наши... Наши пограничники вполне могли изъять: ввоз из-за границы любой религиозной литературы не разрешался. Мама замаскировала книгу, как могла, чем-то обмотала, засунула поглубже в багаж. Помогло то, что она ехала в составе группы членов семей военнослужащих, и ее багаж должным образом не обшмонали. Не забуду, как благодарный Султан-абый со слезами на глазах обеими руками принимал бесценный дар — достать Коран тогда в Казани было почти невозможно.

К слову, поездка мамы в Ирак могла вообще не состояться: особист из первого отдела «Радиоприбора» вынул ей всю душу с фактом пребывания в детском возрасте на оккупированной во время войны территории. Иметь «правильную» анкету, «чистую» биографию для решения многих, зачастую судьбоносных, вопросов в те времена было принципиально важно (особенно при трудоустройстве в определенные организации). Слава богу, помог по своим каналам мамин брат-москвич — полковник спецслужб, и въедливый особист отстал.

Но у нас, грех жаловаться, хотя бы была ровная земля. Если, стоя на нашем участке лицом к Волге, повернуть голову влево, то открывался захватывающий вид

на «Гору дураков». Упаси боже обвинить меня в авторстве этого топонима, но «из песни слов не выкинешь»: именно такое название бытовало в народе. Что за гора? Просто крутой склон высокого берега Волги к безымянному ручейку, впадающему в реку недалеко от пристани. Что за «дур...» Извините, язык не поворачивается произнести. Конечно же, то были совсем не дураки, а обыкновенные садоводы. Дураками скорее хочется назвать тех, кто выделил им участки, крутизна которых доходила порой до сорока пяти градусов. И это-то при наличии огромного количества свободных брошенных угодий, а то и целины вокруг!

Нужно было видеть эти дачи! Люди нарезали участки на терраски, укрепив их вертикальные откосы листами шифера, удобрили землю, натаскав на себе навоз и черноезем, поскольку из-за крутизны склона машина там бы не прошла. Так же на себе затащили стройматериалы — в результате одной стороной дачный домик нависал над склоном, а противоположной был в него врыт. При определенном ракурсе обзора «Горы дураков» иногда создавалось впечатление, что ты на Памире или в Тибете. Но если вы подумаете, что в порядке компенсации за неудобство расположения земельки подкинули побольше, то ошибетесь. Земли-кормилицы тоже отщипнули, «от щедрот душевных», по три стандартные сотки.

Но может быть, на «Горе дураков» обитали враги народа или, как минимум, спецпереселенцы? Нет! Трагикомизм ситуации заключался в том, что эти участки принадлежали ковавшим щит Родины работникам КАПО (Казанское авиационное производственное объединение) имени Горбунова, или, как его называли в народе, двадцать второго завода. На нем тогда выпускали первый советский межконтинентальный пассажирский самолет-красавец Ил-62 и грозный «бэкфайр» (по классификации НАТО) — сверхзвуковой стратегический бомбардировщик Ту-22М, внешне тоже, кстати, красавец. Впрочем, немного успокаивает мысль, что, видимо, кому-то пришлось в голову дать участки с таким захватывающим дух, летящим обзором именно авиастроителям? Может быть, может быть...

В любом случае горько лицедреть, сколько там сейчас брошенных дач, сколько титанического труда пошло прахом... Дожди постепенно смывают «культурный слой», земля сползает по склону, домики частично разобраны, частично попросту брошены. Ковыряются там кое-где по старинке лишь одни пожилые люди. То ли романтики-авиастроители перевелись, то ли народ стал более прагматичен. Пожалуй, и то и другое одновременно. Нынешнее авиастроение, к сожалению, по масштабам производства не сравнить с советским. Зато нормальной земли, слава богу, приобрести стало проще и цивилизованней, правда, цены опять-таки кусаются.

Никто не спорит, земля — общенародное достояние. Земля-матушка, земля-кормилица... Словом «земля» иногда называют родину. Понятия Родной Земли, Родины, Отчего дома человек впитывает с молоком матери. Насколько взаимосвязаны, тонки и сокровенны они для каждого человека! У любого народа почитается за честь полить родную землю потом, а если потребуется, то и кровью. Счастливы те, чей отчий дом стоит на земле. Не сомневаюсь, те, кто живет и работает на земле, внутренне богаче тех, кто эту землю попросту созерцает. Предметное восприятие вкупе с абстрактным всегда более основательно и глубже, чем просто абстрактное.

С личными домовладениями усадебного типа тоже было придумано хитро: дом — твой, а земля, на которой он стоит, — государственная. В доме живи на здоровье, при желании даже разбирай его, продавай или переноси куда хочешь, но землю «положи на место»!

«В буднях великих строек», в процессе индустриализации страны этот компонент — ощущение земли — как-то выпал. Безусловно, без создания могучего производства, промышленного потенциала говорить о самостоятельности и состоятельности

государства невозможно. Но, с другой стороны, убежден: с отчуждения от земли начинается бездуховность. Да и зерна из-за рубежа, в основном из Штатов, ввозилось тогда миллионами тонн, несмотря на воспетые официальной пропагандой «величественное преобразование социалистической деревни» и героике «битв за урожай».

И потом, где кончается народ и начинаются конкретные люди, этот народ образующие? Со своими желаниями и потребностями. А главная потребность человека — это своя семья и дом. Дом — на земле. И чтобы и первое, и второе было свое собственное. Тут и проходил рубикон, который, к великому сожалению, коммунисты преодолеть не смогли, ибо дальше начинался... «собственник».

* * *

Дальнейшее изучение на практике специфики «созидательного труда на земле» в условиях развитого социализма продолжилось у меня уже в статусе студента биофака Казанского университета. Студенческая пора, помимо учебы, сессий, практик, каникул, веселий, включала в себя и трудовую деятельность в студенческих стройотрядах (ССО) и сельскохозяйственных работах на благо «горячо любимой социалистической Родины».

И если о ССО писано-переписано, сказано-пересказано, то о таком распространенном явлении студенческой (и не только) жизни, как осенние сельхозработы, или, как тогда говорили, обобщая понятие, «колхозы», лично мне ничего познавательного не довелось прочесть ни тогда, ни в последующем.

Да, стройотряды — это круто! Романтично! «По-социалистически»! Я всегда завидовал молодым, веселым, загорелым ребятам и девушкам с рюкзаками, в стройотрядовской униформе с эмблемой ССО, с мастерком на рукаве. А если к ним добавлялись эмблемыстроек с обширной географией, стройотрядовские значки, гитары и прочая атрибутика, я чувствовал, как «торопится сердце, сердце волнуется». И звали студентов гордо — бойцы стройотрядов! К сожалению, на биофаке учебный процесс был организован так, что ежегодно на июль приходилась практика. Основной же период работы стройотрядов выпадал именно на июль—август. Поэтому ССО из студентов биофака никогда не формировались. В августе — каникулы, ну, а в сентябре пожалте в деревню.

Помню, как мы, свежиспеченные первокурсники, повизжав от восторга у доски объявлений приемной комиссии при виде своих фамилий в списках зачисленных в университет, тут же наткнулись на скромное объявлениице, гласившее «быть там-то во столько-то» для отправки на работы в сельскую местность. Вот оно — принципиальнейшее отличие «колхозов» от стройотрядов! Участие в ССО было строго добровольным, еще и не каждый желающий мог попасть в тот отряд, в который хотел, в некоторые даже были конкурсы. А вот в колхозы посылали в «добровольно-принудительном» порядке или, как еще выражались многие, «гоняли».

Не скажу, что никто не пытался роптать. Но принародные громкие возмущения могли привести, как минимум, к исключению из комсомола, как максимум — к отчислению из университета. Ничего не бояться мог, наверное, только беспартийный работяга, но Его Величество Рабочий Класс и так в колхозы не гоняли.

Безусловно, вопрос «откашивания» от колхозов вполне можно было решить без огласки, в частном, так сказать, порядке. Не стану говорить про блат, это понятно и так: блатные в колхозы не ездили. Освобождение от колхозов иногда предоставлялось в качестве награды за что-то или за участие в чем-то, например, в выступле-

ниях университетской хоровой капеллы или в каких-то соревнованиях. Не ездили на сельхозработы также дипломники и, разумеется, иностранные студенты, хотя в стройотрядах, бывало, работали.

Противопоказания по состоянию здоровья принимались во внимание: в конце августа перед деканатом всегда наблюдалось скопление студентов со страдальческими лицами: кто держался за бок, кто за живот, а кто просто подволакивал ножку. Но для освобождения от колхозов требовался аргументированный медотвод.

Поэтому понятно, что никакой патетики в этом вопросе не могло быть по определению, и если какая-то официальная информация изредка просачивалась, то как-то всуе, мимоходом и исключительно, как «шефская помощь селу». В результате сложилась преинтересная ситуация: работаешь в стройотряде — тебе почет и уважение, поехал «в колхоз» на сельхозработы — гы-гы-гы! К тому же стройотрядовцев всегда освобождали от сельхозработ. Теоретически боец стройотряда мог изъявить желание поехать по осени в колхоз, но я о таких идиотах, честно говоря, не слышал ни разу.

Как следствие, кроме язвительной песенки Владимира Высоцкого «Товарищи ученые...», советская культура на тему «шефской помощи селу», в отличие от тематики стройотрядов, ничего не создала:

Товарищи ученые, доценты с кандидатами!
Замучились вы с иксами, запутались в нулях,
Сидите, разлагаете молекулы на атомы,
Забыв, что разлагается картофель на полях!

Однако эта песенка не то чтобы была запрещена, но, скажем так, не очень приветствовалась...

Поначалу я считал поездки «в колхозы» своим комсомольским долгом, поскольку работал агитсектором в факультетском комитете комсомола и искренне верил в идеалы коммунизма, зная, что колхозно-совхозный уклад — вершина организации сельского хозяйства. Истинность ленинской цитаты «Мы придем к победе коммунистического труда!» у меня не вызывала абсолютно никаких сомнений. А фразу известной песенки из сталинской киноагитки «И все кругом колхозное, и все кругом мое!» я, признаюсь честно, воспринимал в буквальном смысле. Верил: нужно лишь немножко помочь труженикам села ввиду очередного неурожайного года или по случаю новых повышенных трудовых обязательств, принятых ими в преддверии (или по итогам) исторических пленумов ЦК КПСС. Я уже не говорю о «судьбоносных» для всего человечества съездах КПСС, ставивших все новые и новые грандиозные планы по строительству коммунизма в нашем обществе, а также пафосно сообщавших миру устами дорогого Леонида Ильича Брежнева, что «общий кризис капитализма, кха-кха, еще более углубился».

Посылали по принципу: одна академическая группа на одну деревню. Размещали обычно по домам колхозников, и ничего — месяц уживались под одной крышей. Возможно, в это сейчас трудно поверить, но тогда такой был народ — в большинстве своем простой и радушный.

Спокойный сельский пейзаж родного Татарстана представлял собой поля и пашни средневежской равнины с редкими перелесками и узкими речками. Я любил его неброскую красоту, напоенную осенним запахом влажной земли, стерни, зерна и опадающих желтым хороводом листьев. Стоит отметить, что за время поездок по деревням мне в те годы ни разу не встретились ни мечети, ни церкви. Что ж, безбожникам из идеологических отделов обкомов-райкомов — «пять бал-

лов» за их черную атеистическую работу или анафема, по сегодняшним меркам. Благо хоть сейчас в Татарстане, пожалуй, нет ни одной деревни без храмов Божьих — либо мечети, либо церкви, а то и того и другого в одном поселении.

Чем же занимались мы там, на «ниве трудовых свершений»? На первом курсе послали на строительство животноводческого комплекса. Заняты были в основном на подсобных работах: на железнодорожной станции разгружали из вагонов кирпичи, закидывали их в грузовики и на стройке сбрасывали из кузовов на землю. Целых, неразбитых кирпичей оставались единицы — сложенные из их обломков строения даже внешне выглядели стремно, хоть и были совсем новыми.

Однако за месяц мы не заработали ни цента! Обратились к старшей по группе преподавательнице с символическим вопросом: где деньги? В ответ прозвучало: «Все, что заработали, пошло на оплату питания в столовой...» Понимаю, что нас заняли не самой высокооплачиваемой работой, но какие-то копейки мы должны были получить! Видимо, их поимел кто-то другой. Бог с ними, сентябрьскую стипендию по приезду домой все равно получили. Да и не расстраивались особо: все были счастливы, что только что успешно выдержали трудные вступительные экзамены, знакомились друг с другом, общались, пели, смеялись. Все списывалось на возраст: «Гаудеамус игитур, ювенес дум сумус!» (итак, будем веселиться, пока мы молоды!). Впрочем, кормили в колхозной столовке тоже неплохо. А что на строительстве коровников бардак и по денежному вознаграждению за участие в их возведении «баранка» — так это, как говорил дорогой Леонид Ильич, «кое-где еще имеющие место отдельные недостатки».

На следующий олимпийский 1980 год в организации сельхозработ произошли серьезные изменения: на очередном историческом пленуме ЦК КПСС, «в обстановке воодушевления и единодушного одобрения», была принята Продовольственная программа, впоследствии бесславно почившая вместе с партией. В ней оговаривалось, что шефская помощь селу должна заключаться только в уборке урожая и ни в каких работах больше. С вузами заключались договоры, за нашим факультетом закрепили два района. Из числа преподавателей мужского пола назначались старшие по районам, в их обязанности входило следить за соблюдением условий договоров.

В том году работали на току: зерно с полей привозили грузовиками и высыпали на асфальтированную площадку для предварительной подсушки на воздухе — только что обмолоченное, оно еще «дышало». В нашу задачу входило периодически просушивать зерно с помощью веялки-погрузчика. Зерно, под присмотром местной бригадирши, надо было с земли подавать лопатами под цепные лопасти подборщика. Иногда, если зерно было не особо чистым, его, с помощью другой, немного видоизмененной веялки, требовалось еще и просеять. Подсохшее на воздухе зерно снова загружали в грузовик, который отвозил его на зерносушилку для окончательной просушки и складирования в амбаре. Словом, работенка не хитрая, особых навыков не требовала. «Все — на выполнение Продовольственной программы!», «Каков ток — таков итог!» — гласили плакатики при въезде на ток.

И вдруг в один прекрасный день местные на току не появились, только грузовики, присланные вместе с шоферами из города, все везли и везли с полей золотистое душистое зерно. Я знал, что началась копка картошки, понимал важность наличия приусадебного участка для сельского жителя. Но никак не во вред колхозному делу, ведь «общественное — выше личного»! «Коллективное хозяйство в условиях социализма способствует формированию у сельского труженика сознания общественного собственника» — так нас учили еще в школе на уроках обществоведения. Как же вы, члены колхоза имени Ленина, обуреваемые «частнособственническими пережитками», не понимаете этого и предпочитаете колхозному зерну свою картошку?!

Кучи зерна на площадке перед зерносушилкой, которая, к счастью, не переставала работать, стали угрожающе расти, а мы, студенты, не успевали их все перелопачивать. Кроме того, посыпали противные осенние дожди. Сунешь руку в кучу, а зерно внутри горячее. Зерно на току горит, а колхозники свою картошку копают! Как такое возможно?! Встречаю у правления бригадиру, возмущаюсь. «А-а, — отмахнулась она, — картошку выкопаю сперва: картошка — второй хлеб». Ладно, думаю, с тобой все ясно. Выловил кого-то еще из местных, начал что-то «затирать» за Продовольственную программу, но тот, посмотрев на меня, как на умалишенного, презрительно ухмыльнулся: «Да пошел ты...»

«Добил» командированный шофер Мишка-гонщик. Он на своем зилке по деревне носился как угорелый или, бывало, разгонится по площадке и затормозит резко перед самой веялкой — его аж разворачивало юзом. Как-то он высыпал полный кузов зерна прямо в лужу.

Я ему возмущенно:

— Ты что, не видишь, куда высыпашь? Это же хлеб! Знаю, что тебе колхоз до фени, но...

Разбитной «Шумахер» грубо перебил:

— Да пошел ты со своим колхозом!

Со «своим»! То есть с «моим»? Крылатая фраза «и все кругом колхозное, и все кругом мое» наполнялась конкретным смыслом: похоже, действительно все кругом только мое. Факт такого возмутительно несознательного отношения колхозников к общему делу основательно разбередил мою «девственную» душу. Ехал домой невеселый, пытаюсь осмыслить пережитое. Тот незабываемый колхоз имени Ленина стал отправной точкой дрейфа моего марксистско-ленинского мировоззрения в идеологически противоположную сторону. Одна радость: хоть что-то заработали, всем поровну.

На третьем курсе нас послали в совхоз «Красный партизан». По приезду директор совхоза принял всех в правлении, в своем кабинете. Подобной чести я больше не припомню. Широко улыбаясь, он пообещал хорошо заплатить, если мы будем стараться, и пожелал ударной работы. Чем же помогали мы совхозу «Красный партизан» в священной «битве за урожай», повторявшейся в нашей стране с завидным упорством из года в год? Нас бросили на уборку кормовой свеклы вручную. Трудились бригадами. Прикинув сотки две-три площади, дергали крупные корнеплоды, выкладывая их кругом. После этого шла обрезка ботвы — свекла летела в центр круга, образуя небольшую кучу. И так по всему полю — кучки, кучки в окружении обрезанных листьев ботвы. Потом по полю ехал трактор «Беларусь» с прицепом, куда мы забрасывали собранные корнеплоды. Вот и вся премудрость.

Возили нас на свекловичное поле в кузовах грузовиков. Однажды в распутицу после дождя один из грузовиков забуксовал на косогоре. Водила тормознул и, переключив скорость, резко дернул вперед — кто стоял сзади, кубарем посыпались в грязь. Хорошо, что машина не сдала назад... Вот такая «охрана труда»! Потому и мы позволяли себе нарушать трудовую дисциплину, но совестью, как годом раньше, я уже особо не мучился.

Окончательно пошатнул веру в справедливость расчет зарплаты. За два дня до отъезда мы с сокурсником взяли в оборот бригадира, раздавив с ним бутылочку водки — «бугор» добросовестно закрыл наряды. А потому уверились, что заработок, как и обещал в самом начале директор совхоза, будет хорошим. И вдруг! В день отъезда, получая расчет в кассе, глазам своим не поверили: ведомость пестрила совершенно нелогичным, не поддающимся пониманию разбросом сумм, предписанных к выдаче каждому, хотя работали одинаково! Почему, на каком основании? Но вы-

яснить не у кого: директора нет, бригадира нет. И совхозный автобус сигналит: пора двигать домой.

Я же сделал для себя вывод, что поскольку в колхозах, в отличие от совхоза, заработок у всех был одинаковым или не было его вообще, то по внутренней сути он ближе к коммунистической форме труда. Впрочем, в эту абракадабру верилось с трудом. Правильнее было бы заключить: что колхоз, что совхоз — те же яйца, только в профиль. А последний студенческий колхоз и вовсе ничем особенным не запомнился.

Отбывание сельскохозяйственной «повинности» позволило узнать о колхозах много любопытного. Но красноречивей всего об этом рассказывал фольклор. Я узнал, что такое «колхоз-миллионер»: это значит, что государством списано долгов на миллионы. Слышал, как народная молва переименовала колхоз «40 лет Октября» в «40 лет без урожая». А один колхозник символично переименовал крылатую фразу: «И все кругом колхозное, и все кругом — ничье!» Отрицать не буду: были и настоящие колхозы-миллионеры, где все по уму, народ богат и счастлив, а председатель непременно — Герой соцтруда. Но, пардон, это — «не благодаря, а вопреки» — там, где каким-то чудом удавалось сохранить рудимент вековой крестьянской думки о своей земле, хозяйстве, своем роде, наконец. Или, например, если это родная деревня космонавта номер три Андриана Николаева — показательное село Шоршелы в Чувашии, где он родился и вырос, я видел собственными глазами.

Кто-то до сих пор считает колхозное строительство прогрессивным и героическим, а кто-то называет коллективизацию насильственным разрушением крестьянского уклада и психологии. Я, не буду лукавить, ближе ко вторым. Однако истина, видимо, посередине. И не надо кивать на то, что при развитом социализме забота о сельхозпроизводителях была настолько трогательной, что «особо отличившимся» колхозам регулярно списывались долги. Вредность подобной практики очевидна: халява развращает. Мне возразят, мол, сельское хозяйство почти во всем мире дотируется. Согласен, но... Льготное кредитование или даже целевое субсидирование тех, кто самоотверженно работает на земле, — это одно, а вбухивание средств в бездонную бочку ежегодного списания долгов — совсем другое. Парадокс заключался в том, что долги списывали-списывали, а колхозик все равно нередко «загибался».

* * *

Согласен, земля нужна не всем. Некоторые люди — горожане до мозга костей. Но я толкую о принципиальной возможности. Хотя предполагалось, что у советских людей автомобилей в массовом пользовании тоже не будет. Иначе чем объяснить, что внутриквартальные проезды вдоль наших «хрущевок» были только для одной машины — со встречной уже не разъехаться. В какое колоссальное неудобство это вылилось сегодня! Я уже не говорю про отсутствие мест для автопарковок.

Но если многие недостатки носили системный характер, то имелись и местные казанские «болячки». В 70-е годы родной город смотрелся довольно запущенным и неухоженным, резко контрастируя с сегодняшней красавицей Казанью. Конечно, многое объяснялось наличием обширного обветшавшего старого жилого фонда. Как вспомню запах из дворов по улице Баумана, надписи аршинными буквами «туалета нет!» на стенах арочных проходов в них! Эти трущобы в центре города — Федосеевскую слободку, Суконку, Калугу... А с самого конца 70-х завонял сероводородом мой родной Нижний Кабан. Кто был в этом виноват — районный жил-

комхоз или Вахитовский химкомбинат, не ведаю, но жаркими летними деньками от озера тащило — не приведи господь!

Не помню, кто тогда был на посту мэра, пардон, председателя горисполкома Казани, но народ вокруг постоянно поминал имя только одного официального лица — первого секретаря Татарского обкома КПСС Табеева. Спорить не стану, Фикрят Ахмеджанович сделал очень много полезного для республики, но я никогда не поверю, что построить «Нижекамскнефтехим», КамАЗ и «Оргсинтез» легче, чем навести порядок в городе. Видимо, «там, наверху» во главу угла ставили выполнение плановых производственных показателей.

По пути в речной порт одно время висел уличный лозунг: «Все во имя человека, все для блага человека!» Народ тогда смотрел как бы сквозь подобные лозунги, транспаранты и плакаты, не замечая их: они служили частью общегородского «декора». Кое-где исполняли вполне утилитарную функцию, закрывая собой, например, какую-нибудь дыру, непарадную часть фасада дома или страшненький заборчик. Но на площадях и центральных улицах играли основную роль — наглядно-агитационную. Тот лозунг, «про благо», был довольно распространен во всех городах Советского Союза. Народ в шутку дополнял его оригинальным и принципиально существенным окончанием «...с Запада!». И действительно, перед иностранцами в те годы юлили и лебезили намного больше, чем сейчас. Впрочем, их в стране тогда было порядка на два меньше.

Несмотря на «железный занавес», народ за рубежом крайне редко, но все же выбирался. Конечно, в основном в страны «соцлагеря» или прогрессивного «некапиталистического пути развития». И если из Вьетнамов-Лаосов-Монголий и даже из Ирака советские люди возвращались с «чувством глубокого удовлетворения» и гордости за успехи Страны Советов, то визиты в Европу к «ребятам-демократам» были уже не столь радужны и позитивны. Да что там «ребята-демократы»! Свои же прибалты и те задирали нос перед нами. И основания для подобного высокомерия имелись — мы подспудно осознавали и мирились с этим: ничего не попишешь — Евро-о-опа...

Ну а те, кому посчастливилось глянуть хотя бы одним глазком на «загнивающий» Запад... Всё! Никакие идеологические «накачки» не помогали — годами формируемый системой «иммунитет» давал сбои. Причем люди смотрели на вернувшихся «оттуда» с завистью и вожделением, жадно ловя каждое слово счастливого, повидавшего Запад, и веря всем их рассказам безоговорочно. Как точно поется: «Нас так долго учили любить твои запретные плоды», казавшиеся такими нереально сладкими... Такой сумасшедший культ всего западного мы сами себе тогда создали!

В стране «победившего пролетариата» официальная идеология превозносила рабочий класс до небес и даже иногда называла «Его Величеством». Слагала ликующие восхваляющие песни: «Идут хозяева земли! Идет рабочий класс!», «Вам владеть всем богатством на свете...», «Трудовые будни — праздники для нас!». Но в обиходе повседневной жизни эта возвышенная патетика удивительнейшим образом сочеталась с обидным и незаслуженным унижением «работяг». Одно презрительное толкование аббревиатуры городских профессионально-технических училищ, кузниц рабочих кадров — «ГПТУ» — чего стоило: «Господи, Помогите Тупому Устроиться...» А с восьмого класса некоторые учителя нам старательно «дули в уши»: «Учитесь! Вы что, хотите попасть к станку на заводе?!»

Хотя нельзя не отметить, что заработки рабочих были зачастую существенно выше, чем у инженеров, служащих и вообще у интеллигенции, которую работяги в отместку кликали «гнилой», с легкой руки дедушки Ленина. Одноклассники, устроившиеся на работу сразу после школы, при встрече со мной неизменно под-

черкивали, мол, работаю, к примеру, мотористом на автобазе — 200 рэ в месяц имею, «как с куста». При этом не забывали демонстративно поинтересоваться: «А у тебя стипендия сколько?»

Коммунистическая партия, некогда провозгласившая себя «боевым авангардом рабочего класса», всегда выступала «от имени и по поручению» Его Величества, действовала «по многочисленным просьбам трудящихся» и исключительно «в интересах советского народа». В те времена одним из самых популярных лозунгов был «Народ и партия едины!».

Благодаря постоянно лившейся с теле- и радиоэфира и страниц газет информации все были в курсе о передовиках производства, «ударниках коммунистического труда», победителях соцсоревнований и переходящих красных знаменах, о рекордных намолотах зерна, подборах валков и вспашках зяби, о выполнении и перевыполнении плановых заданий, торжественных рапортах трудовых коллективов, борющихся за почетные звания. Непременно в «едином трудовом порыве», особенно в преддверии исторических пленумов, а тем более съездов КПСС. Я недовольно морщился, в сотый раз слыша по радио песню «Любовь, комсомол и весна» или детскую кантату Чичкова на слова Ибряева «Берем с коммунистов пример».

Многие вокруг, будучи убеждены, что невосприимчивы к официальной трескотне, не замечали, как в дальних закоулках подсознания все это потихонечку оседало. Абсолютно согласен еще с одним популярным лозунгом времен «развитого социализма»: «Советскому народу присущ исторический оптимизм!» («лишь бы не было войны», но Советский Союз ее не допустит!). И зубоскаля над бравурными лозунгами и безудержными славословиями в адрес КПСС и ее руководителей, травя анекдоты про Чапаева и Брежнева, давясь в очередях и вкалывая на дачках, советские люди в то же время были уверены: ЗАВТРА НЕ БУДЕТ ХУЖЕ, чем сегодня. Конечно, если не бухаешь (алкашей и тогда хватало), не воруеть или бездельничаешь.

Никто не «косил» от армии, не тунеядствовал и не «ширился» (я не знал ни одного наркомана!), а «гомики» сидели, где положено. Почти все стремились создать семьи и иметь детей. Холостякуешь? — Плати налог по бездетности. Вышла замуж, но хочешь с мужем пожить для себя? — Тогда твоя очередь оной подати. И никаких тебе гражданских браков, изволь-ка продемонстрировать штамп в паспорте — иначе в гостиницах спи с «женой» в разных номерах. А в двадцать три ноль-ноль: «отбой!» — никаких ресторанов, ночных клубов, баров и саун, посещений общаг, просмотра телепрограмм. Всем спать! «Не время, товарищи! Время классовых битв еще не прошло!»

Дебоширишь дома, выпиваешь, решил развестись? Погоди, дорогой, тебя заставят считаться с общественным мнением, и разберутся с тобой, вынеся соответствующий вердикт на заседании месткома или профкома. А если ты еще и член партии, то партком от души «высplet» — мало не покажется. Что-что? Авторитарно, недемократично? Зато действенно и даже в какой-то мере, черт возьми, естественно!

* * *

И конечно же, по-над «всёя Русью Великой» колокольным звоном разливался метушийся и рвущий душу хриплый голос Володи Высоцкого... Это было поистине уникальное явление: Высоцким интересовались на всех этажах властной вертикали Страны Советов. Многие функционеры днем на работе «клеямили» самого народного артиста, а вечером дома с интересом его слушали. Слушали и восхищались.

Уникальность феномена Высоцкого заключалось еще и в следующем: на одной стороне — многотысячная армия «ратников» идеологического фронта из обкомов, райкомов, но им не верили. А на другой — Высоцкий, один-одинешенек (пардон, вдвоем с гитарой), ему же верили безоговорочно. Народ с упорством и упоением изыскивал в песнях Владимира Семеновича скрытый тайный подтекст. Искали и находили, каждый — свой. Никогда не прошу себе, что не пошел в свое время на его концерт. Мог пойти, но не соизволил: помешала какая-то житейская ерунда, казавшаяся на тот момент очень важной. Думал, ладно, жизнь впереди длинная — еще удастся послушать. Эх, всю жизнь бы потом хвастался: ребята, я слушал Высоцкого вживую!

В молодежной среде считалось престижным разбираться в популярных западных группах и исполнителях. Это было своего рода признаком хорошего тона, показателем твоего преуспевания по жизни. Обсуждение новых модных альбомов и шлягеров происходило обычно с немного уставшим видом всезнающих специалистов. Напевать или просто цитировать тексты песен или на худой конец отдельные фразы из них на языке оригинала также приветствовалось. Но поскольку английский тогда преподавали на уровне «читаю и перевожу со словарем», чаще всего произносилось так же, как и слышалось, то есть почти полная абракадабра. Достать оригинальные слова было неоткуда, а безошибочно воспринять их на слух могли лишь единицы.

И не дай бог, если в приличной компании ты заикнешься, что тебе нравится творчество советской эстрады — всевозможные вокально-инструментальные ансамбли (ВИА), к примеру, «Голубые (или «Поющие») гитары», «Поющие сердца», «Лейся (или «Здравствуй»), песня», «Синяя птица», «Красные маки», «Веселые ребята», «Добры молодцы», «Орфей» и прочие. Минимум — насмешки, максимум — обструкция гарантированы тебе были железно. Конечно, песни наших ВИА звучали повсюду и в силу несомненного музыкального достоинства многих из них критично настроенной молодежью совсем уж не игнорировались. Имелось в виду другое: быть фанатом любой из этих групп считалось неприличным.

Хотя некоторые исключения допускались для «Песняров», «Цветов» (круче звучало «Группа Стаса Намина»), «Землян», «Аракса», «Самоцветов», Юрия Антонова, Александра Градского, Аллы Пугачевой, Софии Ротару, прибалтийских ансамблей и исполнителей. А уж если группа относилась к так называемому «андеграунду» («Машина времени», «Воскресенье», «Аквариум» и другие) — увлечение одобрялось: «фанатей», сколько влезет. Самое главное, чтоб официально не очень приветствовалось, а еще лучше — вовсе не одобрялось.

У советского «андеграунда» главным раздражителем для официальной общестественности служили тексты. А у западных музыкальных групп? Если «Пинк фloyd» хотя бы пели «Брежнев тук (по-английски «взял») Афганистан, Рейган тук Бейрут», то в текстах «Битлз», «АББА» или «Бони М» ни слова антисоветчины. Если не считать таковыми бонизмовские фразы «Хей-хей, Распутин, оу, ю, рашин — секс-машин» или «Оух, зоус рашинз...» И если средства на покупку лицензий для выпуска дисков Дина Рида, Джо Дассена, Мирей Матье, Тото Кутуньо, Джанни Моранди или оркестра Поля Мариа у государства все-таки находились, то вожаки «Битлы», «Пинк фloyd», «Куины» или «Дип папл» (некоторые с понтом растягивали «пе-е-епл») — только на поганого качества, писанных-переписанных магнитофонных записях. Наличие фирменного винилового диска этих групп по значимости приравнивалось к владению книгой Булгакова или братьев Стругацких.

В результате сложилась преинтереснейшая ситуация: многие исполнители, которые критиковались или вообще игнорировались в молодом возрасте, нынче нами

же, полысевшими, поседевшими, потолстевшими, оказались востребованными! А их песни, некоторые из них вообще слушать считалось «западло», теперь воспринимаются нашим поколением с удовольствием! Звучание той, прежде «непрестижной, совковой», музыки зачастую усиливается еще и чисто ассоциативным восприятием, будучи накрепко связанным с нашей молодостью.

Нельзя также не упомянуть про расцвет интереса молодежи, особенно студенческой, к авторской песне, к бардам. Отношение к ним власть предержащих тоже было немного настороженным, поскольку никак не охватывались руководящим началом Ленинского комсомола. Авторская песня, звучавшая в любительских Клубах самодеятельной песни (КСП), в студенческих общежитиях или у лесных костров, вызывала подозрения. Не потому что каэспэшники были сплошь диссидентами (к таковым, и то лишь частично, могу отнести только Александра Галича), а поскольку их репертуар не утверждался всевозможными уполномоченными властью худсоветами. Сами они, как правило, не являлись профессиональными авторами и исполнителями, точнее, не имели соответствующих «корочек», официально не состоя в Союзах композиторов или писателей. Мне понравилось очень точное определение авторской песни: «фольклор городской интеллигенции».

Окуджава, Визбор, Никитин, Городницкий, Ким, Суханов, Крупп, Дольский, Клячкин, Долина, Матвеева, Якушева, Берковский, Кукин, Турианский. Их песни светлы и чисты, грустны и ироничны, доступны и несложны. Они призывают к лучшим человеческим чувствам и учат любить родину. Но у всех один общий недостаток: я ни разу не слышал от самодеятельных авторов песен, славивших КПСС и Ленина.

И еще. Авторская песня была правдива, а правда во все времена — обоюдоострое оружие. Ежегодно летом тысячи любителей собирались на фестиваль самодеятельной песни имени Валерия Грушина под Самарой, пардон, под Куйбышевом. Но с 1980 года «Грушу», как в шутку кличут фестиваль каэспэшники, запретили. По слухам, каким-то функционерам не понравились некоторые песни предыдущей «Груши». В итоге, от греха подальше, был вынесен привычный незамысловатый вердикт: «Мероприятие закрыть». Проведение Грушинского фестиваля возобновилось только в перестроечные времена.

Изредка по первому каналу телевидения поздно вечером шла популярная у молодежи передача «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». В ней подробно знакомили с творчеством и новинками эстрадных исполнителей братских стран социализма: чеха Карела Готта, болгарки Лили Ивановой, польской группы «Червоны гитары», венгерских «Омеги» и «Локомотива ГТ», информировали о ходе эстрадных конкурсов в польском Сопоте или на болгарском «Златният Орфей». А в конце... в конце передачи, «на закуску», ставили какой-нибудь клип «АББА», «Бони М», «Би Джайз», а то и «Пинк фloyd», «Дип папл» или «Куин».

Знаете, когда программа этой передачи была наиболее насыщена и интересна? В пасхальную ночь! Нечего по церквям ходить! Уверен, полное игнорирование религии в качестве естественного союзника — однозначно крупное упущение идеологических бонз эпохи развитого социализма. Ведь многие заповеди и нравственные нормы что христианства, что ислама были срисованы почти под копирку в свод «Морального кодекса строителя коммунизма». Понимаю, что в период становления власти большевиков религия была враждебно к ним настроена. Понимаю, что Владимир Ильич еще раньше «приласкал» религию незабываемыми определениями, такими, как «вздых угнетенной твари» и «опиум народа» (почему-то все упорно произносили «опиум ДЛЯ народа»). Но ведь еще древние подметили: «Все течет, все изменяется». И в годину тяжких военных испытаний мудрый Иосиф Виссарионович осознал, каким огромным положительным духовным, созидательным потен-

циалом обладает религия, используя это во имя великой Победы. Так ведь нет же, упертый и недалекий Никита Сергеевич во всеуслышание пообещал показать советскому народу «последнего попа». Слава богу, «надорвался», но по инерции религия еще десятилетия три всячески унижалась.

На уровне массового глубинного подсознания нередко намертво впечатывалось: критикуют, осуждают, а тем более запрещают — значит, круто; одобряют и тиражируют — значит, фуфло. Всеобщее недоверие, недосказанность порой выливались в навязчивое желание людей всюду искать некий подсмисл, скрытый там, где его зачастую не было вовсе. А эзопов язык тогда можно было смело признавать вторым государственным.

* * *

Изучение теории «развитого социализма» продолжилось в студенчестве, причем с особой исторической спецификой. Казанский государственный, в прошлом императорский, университет — один из старейших вузов страны. Его имя связано со многими научно и исторически значимыми людьми. Это Зинин, Бутлеров, Флавицкий, Лесгафт, Бехтерев, Энгельгардт, отец и сын Арбузовы, Завойский, Лев Толстой, Аксаков, Джалиль и многие другие. Здесь Клаусом был открыт названный латинским именем России сорок первый химический элемент «Рутений». Основатель неевклидовой геометрии Николай Лобачевский более 20 лет служил ректором университета, и его, и только его имя обязан был носить наш университет.

Но университет носил имя вождя мирового пролетариата, «самого человеческого человека» — В. И. Ульянова-Ленина. Семнадцатилетний Володя Ульянов в год казни старшего брата — народовольца Александра, покушавшегося на царя, был без экзаменов зачислен на первый курс юрфака Казанского императорского университета. Добавить к этому, что пенсия его усопшего батюшки Ильи Николаевича, губернского инспектора учреждений народного образования, позволяла снимать маленький двухэтажный дом в Казани и содержать большую осиротевшую семью.

Проучился молодой Володя Ульянов неполный семестр, потом подбил студентов на бузу, впоследствии названную исторической «сходкой», за что был исключен из университета. За это будущий «гений человечества» получил «страшное» наказание: был выслан под надзор полиции в родовое имение своей матушки — деревню Кокушкино, неподалеку от Казани. Изредка к нему приходил местный урядник, олицетворявший собой всю репрессивную машину царского самодержавия, и они-с соизволяли попивать чаек-с, беседуя за жизнь. К тому же Володе в уютной деревушке, в беседке, в тени деревьев, около речки никто не мешал изучать «Капитал» Маркса.

Факт кратковременной «засветки» Владимира Ильича в Казанском университете наложил мощнейший отпечаток на всю дальнейшую историю учебного заведения. О том, что нам выпала великая честь учиться в Ленинском университете, твердили кругом денно и ночно, особенно на первом курсе. Несложно догадаться, что и преподавание общественных дисциплин, призванных выработать марксистско-ленинское мировоззрение у студентов, было особым. А по предмету «Научный коммунизм» на биофаке вообще сдавался единственный государственный экзамен на пятом курсе. Именно на лекциях и семинарах по «научному» мы детально разбирались, «откуда есть пошел» развитый социализм.

Предваряли изучение вершины познания человечества — «Научного коммунизма» — другие общественные дисциплины: «История КПСС», «Марксистско-ленинская философия», «Политэкономия» и «Научный атеизм». Я давно подметил одну зако-

номерность: если научность предмета вызывает некоторые сомнения, это особо акцентируется в самом названии дисциплины, его изучающей.

Историк партии, без уточнения какой, поскольку их количество не могло быть больше одной, запомнился двумя перлами. Как при обсуждении перспектив мировой революции он, закатив глаза, мечтательно-сладостно выдохнул: «Эх, какими бы шагами зашагал мировой революционный процесс, если бы пролетариат США взял власть в своей стране!..» И ведь это говорилось не в шутку и не для прикола! Или как в конце 1979 года, на следующий день после обнародования решения партии и правительства об интернациональной помощи братскому афганскому народу в строительстве новой жизни и введения туда «ограниченного военного контингента», торжественный историк, в нарушение темы лекции, посвятил этому событию минут пятнадцать. Он пафосно поведал о том, что международный революционный процесс продолжается, и еще одно государство, вставшее на прогрессивный некапиталистический путь развития, — тому подтверждение, и что Советский Союз просто обязан помочь в этом своему южному соседу.

Как на это отреагировали мы, студенты, и вообще народ вокруг? Честно скажу — никак. Люди неопределенно пожимали плечами, мол, ввели войска — значит, так и надо. Мы привыкли к тому, что наша страна постоянно кому-то помогала и в борьбе за свободу, и в строительстве «новой жизни». Что ж, видимо, очередь дошла и до Афганистана (такое хлесткое и одновременно емкое по смыслу и символичности сокращение «Афган» появится немного позже). И никто пока не догадывался, к каким последствиям это приведет, что совсем скоро на долгие десять лет слово «Афган» станет настоящей страшилкой для всех матерей, имевших сыновей призывного возраста.

На смену истории КПСС пришла марксистско-ленинская философия. Разница между ней и просто философией как таковой есть, и весьма значительная — на то она и «марксистско-ленинская». В начале, когда шла классическая философия, было интересно: универсальные законы — отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные и так далее. Но потом начался плавный загиб в сторону обоснования неизбежности победы коммунизма и уже знакомое по истории партии притягивание «за уши» всего внушительного здания мировой философской науки, начиная с Аристотеля и Сократа, к делу священной борьбы пролетариата за свое освобождение.

Курс политэкономии капитализма, как выяснилось позднее, оказался наиболее полезным, ибо начиная с 90-х годов я стал заниматься предпринимательской деятельностью. Теоретические познания про циклы производства — простого и расширенного, оборота капитала, товар — деньги — товар, учение о прибавочной стоимости всего лишь через десять с небольшим лет наполнились практическим смыслом. А «Капитал» Маркса я считаю самым дельным трудом из всего, что нам пришлось изучать. Там хотя бы все логично и понятно. Лекции по политэкономии читал забавный старичок, никогда не снимавший в помещении берета. Видно было, насколько он любил политэкономия капитализма и как равнодушно относился к политэкономии социализма. Даже оговорился как-то, что политэкономия социализма — это наука, которой вообще-то не существует. Правда, тут же исправился: она, мол, пока еще в стадии становления и развития (это на седьмом-то десятке лет «торжества» идей социализма!). Интересный кульбит! Зато на экзамене по «соцполитэку» ставил всем только хорошие и отличные оценки.

Неожиданно интересным оказался научный атеизм. Удалось многое узнать про мировые религии, ведь познавательной литературы, сжато излагающей суть и структуру основных вероисповеданий, тогда практически не было. И если бы не прохо-

дящая красной нитью через весь курс аксиома с общим смыслом «бога нет», то этот предмет можно было бы смело именовать «Основами религий».

И вот наконец подошло время «святая святых»: во втором семестре четвертого курса началось изучение научного коммунизма. И если доселе изучавшиеся общественные дисциплины все-таки имели предмет исследования, то каково было высокое предназначение «коммунизма», пусть даже «научного», я так и не понял. Какая-то умопомрачительная несусветная заумь, тавтология и набор заклинаний и намерений. «Попурри» из всего, что мы уже изучали, с добавлением новых умозаключений про совершенствование и развитие общенародного государства от стадии «диктатуры пролетариата» до высот «развитого социализма». Или про структуру лишенного антагонизмов бесклассового общества, состоящего из двух родственных классов трудящихся — пролетариата и колхозного крестьянства с прослойкой-интеллигенцией. Вновь пафосно зазвучали привычные декларации про ленинский университет как передовой край овладения марксистско-ленинским научным мировоззрением и про нас, «студентов-ленинцев», которые должны являть собой маяки для всей советской молодежи.

Я, кстати, так и не добился у преподавателей вразумительного ответа на вопрос: почему социализм называют «развитой», а не «развитый» или «развитый»? А на вопрос, почему социализм «развитым» считался только в Советском Союзе, а не, скажем, в «витрине социализма» ГДР, получил странный ответ. Как говорит Задорнов, готовы? Тогда слушайте: «Дело в том, что в СССР достигнут более высокий уровень развития отношений между производительными силами и производственными отношениями». Круто?

Но позвольте, уважаемый преподаватель! Ведь в ГДР, с лидером которой Эрихом Хонеккером дорогой Леонид Ильич, помнится, целовался в губы взапас, и порядка было побольше, и сытнее-богаче жизнь, чем в СССР! Об этом не только в один голос говорили все без исключения, побывавшие в Восточной Германии, но даже не отрицалось на одном из семинаров по «научному». Тогда логично предположить, что если мера оценки «развитости» идет от обратного, то «самый развитой» или, скажем так, «развитейший» социализм должен иметь место в Северной Корее? Ведь там и кушать особо нечего, и воистину «народ и партия едины»?

Правда, признаюсь, что в постановке вопроса в такой формулировке я стал храбрым только сейчас. Конечно, и тогда его вполне можно было бы задать — жив-здоров остался бы точно. Но я же был членом комитета комсомола, да еще заведовал агитсектором, а значит, сам должен был уметь отвечать на подобные вопросы. Могли также возникнуть сложности при сдаче госэкзамена, если бы я чересчур часто их задавал. Отсюда напрашивался закономерный вывод: извольте, товарищ студент ленинского университета, овладевать марксистско-ленинским мировоззрением, не задавая лишних вопросов! Все ясно?

Главная роль в построении коммунизма отводилась рабочему классу — «гегемону революции». Звучали какие-то совершенно абстрактные, фантастические положения и утверждения от имени некоего выхоленного, безликого или, как сейчас говорят, виртуального существа по имени «Пролетариат». Мне все время хотелось с ним познакомиться и потолковать за жизнь, однако с отдельными встречавшимися его якобы представителями все время не везло.

Показательна одна история, произошедшая уже после моего отбытия по распределению. Расселили нас, молодых специалистов, в общежитии на койко-местах, как поначалу полагается. Общага была смешанной по социальному составу проживавших в ней работников. Слышу как-то краем уха: «Ну, ты че такой-то, а? Ты точно,

в натуре — гегель!» Это электрик Вован что-то недовольно высказывал корешу шоферу Коляну. Эта фраза настолько меня сразила, что я решил «обкашлять» ее при случае с Вованом. И такой случай представился.

— Слышь, Вован, а за что ты назвал Коляна «гегелем»?

— Да он, прикинь, в натуре, оборзел! Говорю ему как-то... — эмоционально начал Володя.

Однако мне было неинтересно, за что тот получил такое емкое определение, поэтому я прервал недовольного электрика.

— Володь, бог с ним, с Коляном! Откуда ты взял это слово «гегель»?

— Ну, откуда-откуда? Ну, «гегель», «гегемон»... — он прищурил один глаз. — Вы ж сами нас, работяг, так обзываете!

— Вова, когда это я обзывал тебя «гегемоном»?

— Ну не ты — другие!

— Володя, а вообще ты знаешь, что так говорил Ленин: «Рабочий класс — гегемон революции»? — я решил пододвинуть разговор ближе к интересовавшей меня теме.

Однако обсуждаемая тема Вовану не нравилась решительно.

— Слышь, Петро, ты че, в натуре, до меня докопался? Гегель, гегемон... Я, блин, просто знаю, что это — стремно, и все тут! Мы ваших ленинов не читаем, понял?!

Вот так вот. Одной фразой он мне все объяснил сполна. Не отнять и не прибавить. В самую точку: «Мы ваших ленинов не читаем...»

И вот госэкзамен по научному коммунизму настал! Вопрос в билете был такой: «Тенденции и направления осуществления ленинской национальной политики при развитом социализме». Хорош вопрос? Нет? Вы не правы: билет просто замечательный. На самом деле ответ на него умещался в одной-единственной фразе: «Тенденция заключается в следующем: дальнейшее всемерное развитие национальных культур при их одновременном взаимопроникновении и взаимообогащении под мудрым руководством КПСС». Все. Садитесь: «пять». Но это слишком упрощенно. Требовалось «налить воды», минимум — минут на пять-семь, максимум — на десять-пятнадцать, уж кто как умеет. А уж «лить воду» я умел: агитсектор как-никак.

Несмотря на усердное штудирование студентами всей этой мути, я тем не менее отмечу один удивительнейший факт: почти никто из моих сокурсников и вообще ровесников не может назвать две основные фундаментальные работы Ленина. Не пересказать содержание или привести какие-то цитаты из них, а всего-то — назвать. Ведь любой образованный человек выдаст, не задумываясь, главные произведения, скажем, Толстого, Достоевского, Шолохова или Булгакова. Даже старику Марксу в этом плане повезло почему-то больше, чем «дедушке» Ленину, ибо вопрошаемые мною бодро выдают: «Капитал»! А как же самый массово изданный за всю историю человечества, переведенный на все языки мира «литератор», как сам себя именовал Владимир Ильич? А вот так! Получается, все затраты учебного времени были потрачены на изучение общественных дисциплин практически пустую.

* * *

Система высшего образования в ту пору была насквозь идеологизирована. Если хочешь преподавать или просто работать в вузе, требовалось доказать верность системе, поучаствовать в комсомольской работе, выступить на собраниях, принимать личные комплексные планы, проходить Ленинские проверки, сдавать Ленинские

зачеты. Не случайно еще на первом курсе наш незабвенный историк партии регулярно повторял на семинарах: «Не хотите овладевать научным марксистско-ленинским мировоззрением — не место вам в рядах советских ученых!»

Ну а хочешь расти, возглавить кафедру, а тем более факультет — изволь состоять в рядах КПСС. Стать доктором наук без партбилета тоже было весьма затруднительно. Но вступить в партию представителю не имеющей четкой классовой ориентации «прослойки» было ох как непросто, хоть на завод к станку топай! И как смычка двух составляющих системы на местах — партийно-хозяйственный актив, сокращенно, «партхозактив» или ПХА.

Но чтобы наверняка попасть в настоящую обойму, гарантирующую превращение из функционера общественного в элиту общества — функционера номенклатурного, необходимо было стать членом университетского, или, как мы его называли, «большого» комитета комсомола. «Большие комитетчики» всегда ходили в костюмно-галстучной униформе и слыли подчеркнуто принципиальными и бескомпромиссными комсомольцами — к этому обязывало их положение, необходимость подачи личного примера всей остальной «комсе». Время от времени ими устраивались «публичные порки». Например, за одну-единственную, совершенно невинную, на мой взгляд, фразу («студенты едут в стройотряды, чтобы в первую очередь заработать») был немедленно исключен из комсомола один из командиров стройотряда. Это, помнится, вызвало недоумение многих студентов: командиром тот был сильным, просто, увлекшись спором на одном из заседаний «большого» комитета, не «профильтровал свой базар» в нужном месте.

Попутно вспомнил градацию взысканий по нарастанию строгости наказания: поставить на вид, объявить выговор, строгий выговор, выговор «с занесением», строгий выговор «с занесением». «С занесением» — в личное дело комсомольца: система учитывала все. И как «высшая мера» — исключение из рядов ВЛКСМ. После этого вполне можно было и из университета вылететь. Нетрудно заметить, что пострадавший некогда на заседании «большого» комитета командир стройотряда одним махом проскочил по всей лесенке наказаний всего за одну крамольную, по мнению комсомольских вожakov, фразу про истинный стимул студентов работать в стройотрядах.

Окончив университет, некоторые секретари университетского комитета комсомола становились уже секретарями райкомов, а то и горкома комсомола, осуществляя желанный переход в стройные ряды партийной номенклатуры. А дальше уж как кривая тернистой партийной карьеры вывезет. Взлетишь — не взлетишь зависело от очень многих факторов. Главным было понять и принять немаловажный факт: комитет комсомола ленинского университета — потенциальный трамплин в серьезную карьеру.

Структура и «большого», и «малых» (факультетских) комитетов комсомола была одинаковой. Возглавляемый мною сектор агитации и пропаганды вместе с культмассовым и военно-патриотическим организационно входил в состав главного сектора — идеологического. Многочисленная армия политинформаторов учебных групп курировалась нами, факультетскими агитсекторами. Я ежегодно проводил конкурсы политинформаторов, их победители соревновались далее уже на университетском уровне.

Интересными общественными структурами комсомола были БКД — «боевая комсомольская дружина» — и ОКОД имени Дзержинского — «оперативный комсомольский отряд дружинников», или, по-иному, «юные дзержинцы». Чем они отличались друг от друга, уже и не припомню. Эдакие немного военизированные формирования из комсомольцев на добровольной основе, призванные помогать милиции в патрулировании улиц, в проведении массовых мероприятий, в работе с не-

дисциплинированной молодежью. Многие активисты БКД и ОКОД впоследствии сделали карьеру в рядах МВД и даже КГБ. Но не путать с ДНД — «добровольной народной дружиной», куда нас «гоняли» на дежурства, как и в колхозы, в добровольно-принудительном порядке. Несознательные студенты-уклонисты от ДНД могли даже лишиться стипендии — за этим зорко бдил главный дээндэшник факультета, тоже из студентов. Кстати, некоторые шли в БКД и ОКОД специально, чтоб иметь возможность заниматься каратэ, официально запрещенным в те годы видом спорта, но разрешенным для силовых комсомольских структур.

Однако не все было настолько жестко структурировано и заорганизовано. Существовали и абсолютно добровольные, самоорганизующиеся неформальные объединения советской студенческой молодежи, никак не связанные со всеохватывающей деятельностью Ленинского комсомола. Это и туристические клубы, и упоминавшиеся выше клубы самодеятельной песни, и другие объединения по интересам. К чести комсомольских организаций, они, как правило не ставили задачу подчинения, контроля и, как следствие, ограничения этих движений некими рамками. Но при одном неременном условии: никакого идеологического вольнодумства! Иначе — немедленный запрет, как в случае с Грушинским фестивалем самодеятельной песни.

Особенно ярко энтузиазм и подвижничество студентов биофака выражались в деятельности университетской дружины «Служба охраны природы», сокращенно «СОП». В дружине работали студенты и других факультетов университета. Одной из основных задач этой службы, помимо научно-просветительской деятельности, была оперативная работа против браконьерства: всевозможные рейды, акции, проведение различных операций. Например, «Нерест» или «Ель» (борьба с незаконными вырубками елок в преддверии новогодних праздников).

Получить почетное звание члена дружины СОП мог не каждый — проводился конкурс. Кандидаты, как правило первокурсники, проходили отбор. На самом первом испытательном рейде обычно устраивался спектакль: роль «подсадных уток» — браконьеров — исполняли сами соповцы, однако испытуемые об этом не догадывались. Но и с настоящими браконьерами соповцы умели работать. Они, как и чекисты Железного Феликса, должны были иметь горячее сердце и холодную голову. Фирменный стиль поведения соповца — серьезность и целеустремленность. О результатах их рейдов информировала стенгазета «Вестник СОП», вывешиваемая на факультете. Материал сопровождался фотографиями и часто излагался в шутливой форме. Например, рассказ об очередной встрече с браконьерами-рыбаками. Надпись «Разговоры, пересуды...» сопровождает фото: встреча с браконьерами и первый словесный контакт с ними. Далее «Сердце к сердцу тянется...» — фото: динамичная схватка с не желающими подчиняться правилам рыбной ловли. «Разговоры стихнут вскоре...» — фото: утихомиранные нарушители сидят на земле. «Протокол останется!» — фото: вручение протокола усмиренным браконьерам на фоне изъятых у них незаконных орудий промысла.

Со временем движение студенческих дружин охраны природы получило широкое распространение по всей стране, охватив многие вузы, его важность и актуальность были очевидны. Мы, члены комитета комсомола, уважали соповцев, тогда как они нас — нет, считая карьеристами, дескать, формалисты, трепачи, всё делаете «для галочки». Я, помнится, кипятился, пытался им что-то аргументированно возразить, но в глубине души осознавал: крыть-то особо нечем. Слишком хорошо знал равнодушие подавляющего числа обычных комсомольцев, которое было просто смешно сравнивать с настроем и боевым духом соповцев, готовых жертвовать собой ради благородной идеи. Ведь браконьеры — народ суровый, не робкого десятка, поэтому конфликты иногда случались очень серьезные. Но, слава богу, наших

дружинников, по крайней мере, пока я учился, проносило мимо самых негативных сценариев развития событий.

При всей строгости, упорядоченности и политизированности системы, обилии всевозможных предписаний и ограничений подавления личности все же не происходило. Система довлекла, но не ломала, пространства для относительно свободного развития и саморазвития хватало вполне. Нужно было лишь правильно подобрать «нужную позу».

Показательна в этом плане еще одна история про моего приятеля — студента из ГДР Нильса Дебуса. Познакомился я с ним, когда по заданию комитета комсомола интервьюировал первокурсников-иностранцев для факультетской стенгазеты «Бигль». Тогда на биофаке были две маленькие иностранные «общины» — немецкая и северокорейская. Посланцы Страны утренней свежести, с детства затюканные учением чучхе — детищем великого вождя и учителя Ким Ир Сена, вели замкнутый, почти сектантский образ жизни. Немцы были намного более открыты. Мне все хотелось вызвать Нильса на откровенность, но он отвечал подчеркнуто корректно. И только в самом конце общения взял паузу, вздохнул, немного сморщил лоб и, кашлянув, дипломатично сказал: «Думаю, я еще привыкну, освоюсь».

В общем-то, было ясно, что он имел в виду. Но, знаете, за пять лет учебы Нильс не только полностью освоился, но и почти натурализовался, чего достичь без внутренней предрасположенности к этому невозможно. Он стал в доску своим, увлекся самостоятельной авторской песней, спортивным туризмом, побывав благодаря этому во многих местах нашей страны. Нильс сумел прочувствовать и оценить глубину души и искренность наших людей, не заикливаясь на внешней окружающей картинке и не делая из нее далеко идущих выводов. Научился, как говорится, «отделять зерна от плевел», философски отсекая негатив, нередко выплывающий в различных ситуациях.

Он научился ставить духовное выше материального, читать между строк и видеть «за кадром», отрешаться от официальной трескотни и ценить то сокровенно-трепетное и глубоко затаенное в душах подавляющего большинства людей, что создавало истинную общность и духовность советского народа. Именно то, что помогало нам все правильно понимать, не унывать и радоваться жизни. Нильсу удалось, верно подобрав нужный камертон, получить настоящее наслаждение от общего позитивного звучания того времени, столь зачастую незаслуженно сегодня критикуемого.

Добавить к этому дух студенческого братства, особенно зримо проявляемого в общежитиях, радость юношеских взаимоотношений, отличающихся искренностью и романтизмом... Всегда было приятно, когда Дебус встречал меня и, широко улыбаясь, приветствовал неизменной «ловлей краба»: «Питег, здогово!», демонстрируя свой неистребимый берлинский акцент.

Позже мне рассказывали, что, окончив университет и вернувшись домой, Нильс все отпуска проводил только в СССР, как правило, в походах, заранее списавшись с друзьями и совместив сроки отпусков. Вдыхая, он не раз говорил: «В Германии невозможно представить себе такие отношения между людьми, немцы держат друг друга на расстоянии и в душу к себе не пускают никого».

Безусловно, единое интеллектуально-духовное пространство создает общую ментальность. Самое парадоксальное — и Нильс не скрывал этого — вернувшись в Германию, он отчетливо почувствовал, что его родина стала ему несколько чуждой именно ментально. И чем больше проходило времени с момента возвращения, тем острее становилось новое чувство. Как ни банально прозвучит, Нильс, наверное, постиг смысл тютчевской цитаты «Умом Россию не понять...». Скажу больше, подобное понимание, пусть даже частичное, приводит любого иностранца, а Дебус,

к счастью, в этом не исключение, к тому, что человек навсегда утрачивает двухцветное восприятие окружающего мира. Ведь не всегда «грязно» там, где грязь, как и далеко не всегда «чисто», когда кругом чистота. И я не удивлюсь, если узнаю, что Нильс сейчас живет в России, учитывая, что восточным немцам с советскими дипломами ой как несладко в нынешней объединенной, такой правильной, такой демократичной Германии...

В целом же для нас, студентов, она, система-матушка, была не самой плохой: выплачивала относительно приличные стипендии, обеспечивала иногородних бесплатными общежитиями и гарантировала трудоустройство по специальности. Никто не платил за учебный процесс, абсолютно все были, как сейчас говорят, бюджетниками. Никто не башлял экзаменаторов, не учился «заочно» на очной форме обучения. И никто из студентов не приезжал на занятия на личном авто, тем паче в сопровождении охраны.

Единственное, что мне не нравилось в ней, — обилие добровольно-принудительных повинностей и жесткая смычка между образованием и классовой идеологией. Поэтому не сомневаюсь, сегодня все согласится с непреложной истиной: наука и высшее образование должны быть беспартийными.

* * *

Коммунистов постоянно держала в мучительном напряжении какая-то необъяснимая опаска, что вдруг советские люди станут богатыми сверх некоего уровня, достигнув который они перестанут «строить коммунизм» и стремиться к его «светлым идеалам». Слово «зажиточный» воспринималось властью однозначно негативно. Зажиточный — значит потенциальный противник. А уж «частный собственник» — однозначно враг! Враг системы. И лучше свою зажиточность, если она имела место, не демонстрировать. Партийные вожди и главные идеологи системы были одержимы каким-то маниакальным стремлением к достижению обществом некоего непонятого неопределенного состояния: «От каждого по способности, каждому — по потребности». Вот скажите на милость: как определить уровень потребности и кто его сможет определить? Его, пардон, можно только навязать.

Но знаете, друзья, несмотря на вышеописанные «чудеса», на обилие добровольно-принудительных повинностей, равнодушие и насмешки людей над «перлами» официальной пропаганды, невзирая на многие выдуманные властями условности и неистребимую тягу к «запретительству», все же вынужден признать подлинную народность правившей в те годы партии. Люди в массе своей не относились к ней как к какому-то чужеродному явлению, а коммунистов, несмотря ни на что, воспринимали своими, родными.

Конечно, огромную роль сыграло то, что все власть предержащие мужи (женщин во власти были единицы) в свое время, как пелось, «вышли из народа, дети семьи трудовой». Некоторые из них даже проливали кровь на фронтах Великой Отечественной. Но немаловажным мне представляется и тот факт, что миллионы рядовых коммунистов сплошь и рядом жили среди простого народа и по большому счету никакими привилегиями и льготами не пользовались. Так же «отбывали повинность» в очередях и «сражались» за «дифссыт», так же принимали позу буквы «зю» в общественном транспорте и стояли раком в своих садах-огородах. Были, как говорится, плотью от плоти своего народа. Мой папа тоже состоял в рядах КПСС.

Не могу избавиться от какого-то неясного, глубинного внутреннего сущностного ощущения о более справедливом устройстве тогдашнего общества. Жили мы в це-

лом неплохо: работали, никто не голодал и не мерз, все были одеты-обуты (главное, чтоб «не промокало» и «не жало»). Проживали пусть в скромненьких, но квартирах в серых кондовых домах, лишенных архитектурных изысков и излишеств. Бомжей (не путать с бичами и цыганами!) на улицах городов практически не наблюдалось. Многие решалось власть предержащими чиновниками вполне по совести, а деньги весили не столь внушительно, как сейчас. Связи? Связи — да, ценились, но они, пардон, ценились во все времена. Ну а преодоление трудностей жития и бытия, воспевание стойкости и непреклонности в борьбе с ними являлись частью государственной идеологии.

Не отрицая в целом единства народа и партии, в то же время не могу забыть, как гаишники останавливали движение по Оренбургскому тракту, сгоняя все машины к обочинам. Как томительно длилось ожидание, пока по опустевшей дороге на огромной скорости в направлении «обкомовских» дач не пронесутся черные правительственные лимузины (кстати, отечественного производства). Народ тогда много недоволен бухтел и про бюрократизм, и про эти пресловутые дачи, и про «обкомовские» больницы, и про закрытые «спецраспределители» (по магазинам власть предержащий люд не ходил). Позднее, в пору перестройки, кое-кому даже удалось ненадолго «взбежать» на политический олимп страны под знаком борьбы с привилегиями «партноменклатуры».

Но глядя на сегодняшние рублевские замки и яхты на Лазурном берегу, честное слово, осознаешь скромные, по нынешним меркам, запросы той самой охаянной партноменклатуры. Ведь набор их тогдашних спецпайков сегодня на выбор в любом гипермаркете, а средняя «обкомовская» дача отличается от поместий отечественных олигархов, как наша двухкомнатная «хрущевка» на Танкодроме от «квартирки» бывшей главы «Оборонсервиса» Васильевой.

Осознавался ли власть предержащей партией тот несомненный вред, который наносился святому делу «строительства коммунизма» всеми теми негативными фактами и явлениями, о которых я веду речь? Безусловно! Ведь, помню, даже сам дорогой Леонид Ильич называл их «болячками», причем не где-нибудь, а на святой святых — съезде КПСС. Листая старые номера сатирических журналов, республиканского «Чаяна» или общесоюзного «Крокодила», вижу, что большинство фельетонов и карикатур постоянно высмеивали проблемы «диффсыта», блата, несовершенства сферы услуг и коммунального хозяйства.

Да, высмеивалось и критиковалось. Да, заострялось и анализировалось. Делались выводы, после чего выходили постановления, подобные принятию приснопамятной Продовольственной программы. То есть понимание вроде как было. Но и только. Честное слово, у меня до сих пор не укладывается в голове, с одной стороны, хроническая неспособность разрешения этих проблем, а с другой — освоение космоса, покорение атома, строительство каналов в пустыне и городов в тайге, создание самой мощной армии в мире, успешное функционирование государственных систем бесплатной медицины, среднего специального и высшего образования. Упорное неумение (или нежелание?) за великим не видеть частного.

Вся промышленность, по выпускаемой ею продукции, делилась на две категории: «А» и «Б». В первую, «А», входили тяжелая промышленность, машиностроение, производство средств производства. И мы до сих пор по праву гордимся советскими синхроциклотронными ускорителями и орбитальными космическими станциями, шагающими экскаваторами, уникальными экранопланами и атомными ледоколами. Небесные просторы страны бороздили самолеты тоже исключительно отечественного производства (чехословацкие Л-410 — не в счет). Да и по дорогам колесили только наши, в крайнем случае сэвовские авто. Но вот продукция отраслей промыш-

ленности группы «Б» снисходительно именовалась «ширпотребом» и считалась второсортной. В результате, как патетически декламировал напарнику Шурика Феде прораб «Пуговкин» из гайдаевской кинокомедии «Операции „Ы“», выходило так, что «в то время, когда наши космические корабли бороздят просторы вселенной», туалетная бумага была в большом дефиците. Каким непостижимым образом подобное могло сосуществовать?

Широко известна цитата Черчилля, правда посвященная Сталину (а в его лице и всей державе): «Он принял страну с деревянной сохой, а оставил с атомной бомбой». Логически смысл фразы воспринимается таким образом, что одно должно априори исключать другое. Однако парадокс заключался в том, что при всех величественных достижениях социалистического строя пресловутая «деревянная соха» ведь никуда не делась! Она лишь малость видоизменилась, приняв вид, к примеру, лопаты для копки картофеля силами студентов и «товарищей ученых, доцентов с кандидатами» или секатора для заготовки ими же веточного корма в «едином патристическом порыве» оказать «шефскую помощь» селу.

Но можно попытаться взглянуть философски. И вот ведь что приходит на ум: а не являлось ли то причудливо сочетавшееся несочетаемое тем мощнейшим внутренним источником развития, о котором гласит закон единства и борьбы противоположностей? Ибо не мною открыто, что именно «противоречие есть корень всякого движения». И под гладью и тиной «застоя», над которым вволю поиздевались и потешились перестроечные и постперестроечные критиканы, возможно, накапливались и вызревали колоссальные внутренние силы для самосовершенствования системы. Той самой системы, что, увы, не смогла (или не успела) полностью раскрыть свой потенциал. Той самой системы, что в конечном итоге безвозвратно канула в Лету. «Штрафные баллы» системы-матушки, которые она зачастую набирала себе буквально «на ровном месте», копились-копились, в итоге экзамен по «вождению» оказался проваленным, потому и «наш рулевой» сменился.

И потом, что бы мне ни говорили, но чтобы себя хорошо зарекомендовать и продвинуться во власть, в те времена нужно было много чего сделать. Успешно отучиться, ударно поработать, проявить активность — словом, стараться, совершать что-то полезное для общества, для людей. Пусть даже в рамках существовавшей идеологической парадигмы. Но она, идеология, не обслуживала интересы какого-либо этноса или конфессии, а, несмотря на свое изначально классовое происхождение, со временем все больше и больше стремилась просто воспитывать в людях советский патриотизм. «Для себя — тлеть, для семьи — гореть, для Родины — светиться» — таков тогда был еще один популярный лозунг.

Система, развиваясь диалектически, жила по своим законам. Кстати, не хочу придавать понятию «партийный номенклатурный функционер» какой-то негативный одиозный смысл. Это просто профессиональный чиновник, управленец, хозяйственник. Благодаря системе многие нашли в себе призвание и талант руководителей. Справедливости ради, партия давала возможность «порулить» на разных уровнях всем желающим, причем с детства. «Социальные лифты» наверх работали тогда бесперебойно, а кумовства и семейных кланов во власти было на порядок меньше, чем сейчас. Старайся только и не иди против генеральной линии партии. И многие, очень многие страстно жаждали стать частью системы, мгновенно схватывая принятые в то время правила игры. Хотя и далеко не все: людей безучастных, равнодушно относящихся и даже критически настроенных хватало. Однако большинство населения по умолчанию как бы со всем соглашалось, кое в чем принимало участие, выглядя вполне лояльными системе. Другой тогда не было и не просма-

тривалось даже в отдаленной перспективе. Любая система должна уметь не только себя сохранить, но и воспроизвести. Но вот, увы, не получилось...

Левые идеи нынче снова в моде. Сейчас популярно порассуждать о социальной ответственности бизнеса, о социальной направленности государственной политики. Но — и тут проходит водораздел — стану настаивать: левые и коммунистические идеи — совсем не одно и то же!

А насчет «все для блага человека»... Конечно, тогда, проезжая мимо этого лозунга в переполненном троллейбусе в позе буквы «зю», с ведерком ягод в зубах, менее всего думалось о том, что это и есть то самое «благо», для которого сделано «все». Но пресловутое «благо» — понятие относительное, ибо общеизвестно: «Не все то золото, что блестит». А что если попытаться еще разок глянуть на этот вопрос сквозь призму закона единства и борьбы противоположностей? И знаете ли, друзья, занятная картинка получается! Преодоление трудностей жизни приносило несомненную пользу. Потому как советский народ был воспитан выносливым и работающим, подтянутым и неприхотливым, рукастым и изобретательным, сметливым и неунывающим. С таким народом, извините, не только поднимать целину, «делать ракеты и перекрывать Енисей», но и в войне мировой победить удавалось. И если, в философском смысле, это не есть благо (без кавычек), то тогда что? Как говорится, «что имеем, не храним...»

Да-а... Признаться, интере-е-есная была та в целом позитивная и целеустремленная в будущее страна — Советский Союз. Страна хоть и одной партии, но социальной справедливости. Страна удивительных парадоксов и уникальных противоречий. Страна, которая с течением времени все больше и больше превращается в легенду. Страна, которая по-прежнему живет внутри меня. И почему-то приходит на ум строка из песни: «Отпустить меня не хочет Родина моя...»